

Александр Абалихин

Multi Venerunt,

или

Многие пришли

Серия «Перекрёсток»

16+

Александр Абалихин

Multi venerunt, или Многие пришли

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Абалихин А.

Multi venerunt, или Многие пришли / А. Абалихин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Пешеход едва не погибает на оживлённом перекрёстке. Неожиданно обрываются все звуки, застывают автомобили и люди. В это мгновение он ощущает себя другим человеком – юношей, который жил на юге Франции во времена альбигойского крестового похода. Сын винодела-католика и его возлюбленная красавица-катарка становятся участниками исторических событий. Они проникают в Хрустальный храм, оказываются в осаждённом крестоносцами городе Безье, участвуют в обороне последнего оплота еретиков – крепости Монсегюр, им открывается мистическая тайна Чаши Грааля. Историко-фантастический роман «Multi venerunt, или Многие пришли» – третий из серии «Перекрёсток», в которую также вошли книги: «Страна Синих Ягод», «Озеро Веры», «Бабочки на крутых ступенях», «Пылающие души Виньеруны».

Содержание

Пролог. Перекрёсток на окраине	5
Глава 1. Под покровом ночи	6
Глава 2. Виноградники на зелёных холмах	22
Глава 3. Признание старого катара	33
Глава 4. Жаркий спор	47
Глава 5. Хрустальный храм	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Абалихин

Multi venerunt, или Многие пришли

Пролог. Перекрёсток на окраине

Светофор на перекрёстке не работал.

Ступивший на пешеходный переход Игорь Савельев только что избежал гибели – сначала под колёсами внедорожника, а затем – микроавтобуса.

Теперь он оказался перед мчавшимся на него чёрным легковым автомобилем. Несколько мгновений оставалось до сильного удара. И вдруг всё вокруг застыло – не двигались ни автомобили, ни пешеходы. Остановился и чёрный «Мерседес», за рулём которого сидел бородатый длинноволосый водитель.

Стихли все звуки, а потом померк свет, и всё вокруг погрузилось в темноту...

Когда тьма рассеялась, пешеход оказался в ином мире, который был ему так же близок и дорог, как и мир возле злополучного перекрёстка. Теперь он находился не на окраине современного большого города, а в незнакомом месте, и у него было другое имя – Грегуар.

Он жил в деревне Монтэгле в предгорьях Пиренеев. Окружённый садом и виноградником каменный просторный двухэтажный дом под красной черепичной крышей, в котором родился Грегуар, стоял на склоне высокого зелёного холма. Возле серой стены дома протекала быстрая речка.

Отец Грегуара, Жиральд, – статный седовласый сероглазый мужчина, был известным в Тулузском графстве виноделом и успешным торговцем вином. Мать Грегуара, Аннет, – невысокая худая темноволосая женщина с грустными карими глазами, безмерно любила своего мужа и сыновей – Грегуара и его старшего брата Жерома.

Их соседи тоже выращивали виноград и делали вино. Однако именно вино Жиральда особо ценилось тулузскими дворянами, нарбоннскими и каркасонскими ремесленниками, фонфруадскими монахами, авиньонскими купцами и добрыми католиками из Безье. Жиральд часто добавлял в вино лечебные травы. Так как люди, употреблявшие его вино в лечебных целях, быстро шли на поправку, слава о его винах и о нём самом быстро распространилась по всему Тулузскому графству. Во многих городах и деревнях благочестивые католики покупали вина из винограда, выращенного умелым виноградарем и виноделом Жиральдом.

Глава 1. Под покровом ночи

Грегуар стоял в церкви. Рядом с ним усердно молились его соседи – деревенские жители. Глядя на мерцающие огоньки свечей, Грегуар слушал проповедь священника. За стенами храма бушевала гроза. В окна врывались яркие вспышки молний. Храм содрогался от гулких раскатов грома. Сердито завывал ветер. По крыше били упругие дождевые струи.

Молящиеся истово крестились. Высокий худощавый и вечно хмурый падре Себастьян, облачённый в чёрную сутану, старался перекрыть своим сильным голосом завывание ветра, шум ливня и грохот грома.

– Multi enim venient in nomine meo dicentes quia ego sum et multos seducen! – произнёс падре Себастьян, бросая колючий взгляд на прихожан.

«Ибо многие придут под именем моим и будут говорить, что это я, и многих прельстят», – Грегуар про себя переводил с латыни.

За окнами в очередной раз полыхнула яркая серебристо-синяя молния, и прогремел гром. На несколько мгновений падре прервал молитву, но тут же продолжил службу.

«Отчего падре столь сердито смотрит на прихожан, будто люди в чём-то виноваты? Или Себастьян кого-то высматривает?» – подумал Грегуар. И тут он расслышал за своей спиной глухой голос:

– Multi venerunt!

Грегуар оглянулся. Позади него стоял высокий широкоплечий человек в мокром чёрном плаще с надвинутым на лицо капюшоном.

– Многие уже пришли, прикрываясь его именем, – с акцентом произнёс высокий незнакомец в плаще, рядом с которым стоял ещё один человек среднего роста, одетый в такой же чёрный плащ. Его лица тоже не было видно под капюшоном.

Грегуар посмотрел на умолкшего священника. Падре Себастьян замер, и его испещрённое морщинами желтоватое лицо вытянулось. Грегуару показалось, будто падре пристально глядит на него. Однако священник смотрел на только что вошедших в храм незнакомцев, которые стояли за спиной Грегуара.

Юноша снова оглянулся. Незнакомцев за его спиной уже не было. Они покинули храм, не притворив за собой дверь. Молнии стали полыхать реже. Громовые раскаты стихали, однако сильный дождь не прекращался.

Служба завершилась. Падре Себастьян стал тихо разговаривать с подошедшим к нему полным священником, который до этого незаметно стоял в дальнем тёмном углу храма. Грегуар расслышал обрывки фраз:

– У них на плащах изображена пчела. О них следует срочно сообщить папскому легату и аббату фонфруадского монастыря.

Тут Грегуар вспомнил, что его отец заказал большой воз терпко пахнувших йодом целебных морских водорослей, которые должны были доставить с морского побережья. Жиральд готовил из высушенных морских растений отвар, который, вместе с настоями других целебных трав, малыми дозами добавлял в старое вино. Такое вино могло быстро вылечить любую сильную простуду.

Юноша расстроился. Гроза была сильная и, наверняка, она разразилась над всей Окситанией. Водоросли, которые обычно везли сухими, по дороге намокли, и теперь их придётся долго сушить. Вряд ли возница догадался прикрыть их рогожей. Теперь Грегуару придётся разложить растения под навесом, чтобы они, как следует, высохли.

Юноша первым из прихожан вышел из храма под проливной дождь и направился домой.

С самого утра его отец – Жиральд лежал в постели и лечился своим вином, которое ему регулярно подносила супруга. Так получилось, что на этот раз винодел сам простудился и слёг с жаром, болью в горле и кашлем.

Вечером разразилась гроза.

– Возвратился ли из храма Грегуар? – слабым голосом спросил Жиральд.

– Сама за него переживаю. Какая сильная гроза! Видно, Господь разгневался на нас! – воскликнула Аннет. – Зачем ты настоял, чтобы наш сын направился в церковь, когда с гор надвигались чёрные тучи?

– Как настоящий католик, наш сын не должен отказываться от посещения храма, испугавшись грозы. Если бы не моя болезнь, я бы тоже отправился на вечернюю службу.

– Твоё рвение не доведёт до добра, – покачала головой Аннет.

– Это твоё безверие не доведёт тебя до добра! Вижу, ты всё ещё сочувствуешь катарам. Ведь твои родители были катарами, – презрительно поджав губы, произнёс Жиральд.

– Мои родители были ткачами и приверженцами истинной церкви. Они называли себя Верными. Катарами нас стали называть католики, которые считают, будто Совершенные апостолы, которые являются наставниками Верных – это колдуны, якобы, использующие котлов в своих колдовских обрядах.

– Сами катары сначала называли себя катарами. И слово «катар» по-гречески близко по произношению к слову «чистый». А уж потом кто-то из католиков придал слову «катар» обидный смысл, – сказал Жиральд.

– Вот и не обижай меня – не вкладывай в слова обидный смысл, – потребовала его супруга. – Мне неприятно, когда ты с презрением произносишь слово «катар».

– Неужели ты слукавила, приняв католичество? – расстроился Жиральд.

– Я приняла католичество только потому, что любила и люблю тебя.

– Мы с тобой давно стали седыми, но ты всё так же красива и добра! – улыбнулся больной.

– Ты стал улыбаться. Значит, скоро пойдёшь на поправку.

– До завтра жар у меня вряд ли спадёт, несмотря на то, что я пью своё целебное вино. Сегодня вечером или завтра утром прибудет подвода с водорослями. Жаль, они намокнут. Из сырых водорослей у отвара не будет нужной силы. Их придётся сушить, – посетовал винодел.

– Ты всё о водорослях беспокоишься, а я больше переживаю о нашем сыне. Ведь он вышел на улицу без накидки. Ему придётся возвращаться домой в такой сильный ливень, – Аннет поднесла подсвечник с зажжёнными свечами к окну, безуспешно пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте.

– Глупая! От этих водорослей, впрочем, как и от урожая винограда, зависит будущее наших сыновей. Всё-таки правильно, что я решил сделать нашего младшего сына виноделом, – прохрипел простуженный хозяин.

– Если бы ты так же подумал о нашем старшем сыне! – сказала Аннет.

– Я и о нём позаботился в своё время, да верно ошибся.

– Надо же тебе было пять лет назад отправить его в фонфраудское аббатство!

– А что я сделал не так? Тамошний аббат – хороший друг моего родного брата Жерара, который сейчас служит мессы в Риме. Фонфраудские монахи – добрые католики и что было бы в том плохого, если бы наш старший сын добился успеха на духовном поприще?

– Но ведь аббат сообщил тебе, что наш сын Жером сбежал из монастыря.

– Тем хуже для него, – проговорил Жиральд и закашлялся.

– Ты не знаешь настоящей причины, отчего наш старший сын сбежал из монастыря.

– Аббат Арнольд в своём письме указал, что Жером слишком мало внимания уделял изучению латыни и много рассуждал о неточностях, которые находил в священных текстах. Такое себе может позволить лишь философ Персиваль, И то, Персиваль такой смелый только потому, что он дальний родственник короля Арагона, да ещё ему покровительствует Раймунд

– граф Тулузский. Посмотрел бы я на этого писаку, если бы он жил не в Тулузе, а, например, в Риме или Париже! Такие, как он, и наущают добрых католиков исповедовать ересь.

Тут раздался сильный стук в дверь.

– Вот и возвратился наш сын. Открой дверь, Аннет! – попросил Жиральд.

Хозяйка направилась отворять дверь, шурша по полу подолом длинного серого платья.

Даже из дальней комнаты хозяин расслышал шум ворвавшегося с улицы ливня. Потом послышались голоса.

– Кто там? Грегуар вернулся? – спросил Жиральд.

– Нет. Это не он, – отозвалась Аннет.

– Неужели в такой ливень пришла подвода с морскими водорослями? – недовольно проговорил Жиральд. – Тогда надо дожждаться Грегуара. Я не смогу сейчас заняться разгрузкой. Пусть сын сложит водоросли под навесом.

Тут в комнату зашёл среднего роста незнакомец в чёрном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо. За ним последовал ещё один, одетый точно так же, высокий худой человек.

– Кто вы такие? – спросил Жиральд.

– Мы странники. Нам нужно переночевать, – сказал вошедший первым незнакомец.

– Мне кажется знакомым твой голос, странник, – заметил Жиральд.

– Возможно, ты удивишься, но это я, твой сын Жером, – сказал незнакомец.

Гость скинул капюшон. Жиральд улыбнулся и тихо произнёс:

– Ты вернулся! Ты жив, сынок!

– Я сразу узнала голос нашего сына, – войдя в комнату следом за гостями, призналась Аннет.

Она подошла к сыну и припала к его груди.

– Мать, налей сыну и его спутнику лучшего красного вина – того, которым ты угощала меня весь день! – потребовал хозяин дома.

– Присаживайтесь оба за стол. Сейчас принесу вам вино и жареную баранину, – засуетилась мать.

– Не надо, – остановил её Жером.

– Мы не станем есть мясо, – с лёгким акцентом сказал его спутник.

– Отчего же? Вы оба так бледны! Вам надо хорошенько поесть, – сказала Аннет.

– Ладно. Принеси нам кувшин с водой, и какое-нибудь блюдо из рыбы. Только знай, что мы не едим мясо и не станем сегодня пить вино, – сказал Жером.

– Хорошо, я принесу вам отварные овощи и уху. У нас с отцом сегодня как раз на обед была уха, – сказала счастливая мать и скрылась на кухне.

Тут Жиральд увидел у сына на пряжке ремня изображение пчелы. Простуженный винодел приподнялся на локтях и с ужасом посмотрел на Жерома, а потом вскричал:

– Ты не ешь мясо, а на пряжке твоего ремня изображение пчелы! Неужели ты, мой сын, тоже стал катаром?!

– Не кричи, отец. Тебе нельзя волноваться, – попросил Жером.

– Скажи, ты стал катаром? Ты – Верный?

– Ты угадал, отец. И у меня, и у моего друга на плащах вышито изображение пчелы. Это неслучайно. Только при чужих людях лучше зови нас ткачами. Именоваться катарами или Верными ныне стало опасно, – сухо произнёс Жером.

– Мне грустно, что ты был вынужден прийти в отцовский дом украдкой, под покровом ночи, а не днём.

– Мне часто приходится ходить по дорогам Окситании и бродить ночью по глухим лесам, – сказал Жером.

– Значит, твой приятель, который пришёл с тобой, тоже катар? Как его имя? – усталым голосом спросил Жиральд.

– Его зовут Этьен, – представил своего спутника Жером.
– Судя по его акценту, светлым волосам и голубым глазам, он прибыл с севера, – сказал Жиральд.

– Ты угадал, отец, – кивнул Жером.

Тут мать зашла в комнату и позвала сына и его спутника:

– Пойдёмте ужинать на кухню. Не будем мешать больному.

– Нет. Пусть они ужинают здесь. Я тоже хочу услышать историю нашего сыночка. Наверно, он поделится с нами, как он стал катаром, – скривив губы, сказал Жиральд.

– Я знаю, Жиральд, что ты ненавидишь катаров из-за того, что они не покупают у тебя вино. А на самом деле они более благочестивы, чем иные католики! – воскликнула Аннет. – Мало тебе монахов, купцов и ремесленников, поглощающих твоё вино бочками?

– Больше всего я переживаю за сына, а не за вино.

– Сейчас ты добьёшься, что твой сын навсегда уйдёт из родного дома.

– Ладно, я буду молчать, – буркнул Жиральд и отвернулся к стене.

– Болеешь, вот и болей, Жиральд, – сказала Аннет и предложила гостям:

– Снимите плащи и повесьте их на крюки возле входной двери, а то, вон, сколько воды натекло на пол. И присаживайтесь за стол. Сейчас я принесу вам еду.

Едва Аннет успела выставить на стол миски с горячей ухой, кружки и кувшин с колодезной водой, как в дверь снова постучали.

– Это Грегуар! – воскликнула хозяйка и направилась открывать дверь.

Вскоре в комнату зашёл Грегуар в мокрой чёрной куртке.

– Твой брат вернулся! Он пришёл со своим другом Этьеном, – сказала мать.

– Я не вернулся, а ненадолго заглянул к вам, – возразил Жером.

– Жаль! Я надеялась, что ты останешься дома. Но ты хотя бы расскажешь нам о себе? – с надеждой спросила мать.

– У меня всё хорошо, матушка, – кратко ответил Жером и принялся за трапезу.

Грегуар, немного растерялся оттого, что старший брат не встал из-за стола и не обнял его. Жером даже не протянул младшему брату руку, а лишь бросил на него быстрый взгляд и кивнул ему. Грегуар снял куртку, повесил её на спинку стула, и сел за стол напротив Жерома и его спутника, которые с аппетитом ели горячую уху. Грегуар внимательно посмотрел на старшего брата, который сильно изменился с тех пор, как покинул отчий дом. Жером возмужал. Он стал шире в плечах и взгляд у него стал твёрдым.

Жером и Грегуар были мало похожи друг на друга. В отличие от своего младшего брата – кареглазого темноволосого Грегуара, сероглазый шатен Жером больше походил на отца, нежели на мать.

– Почему на столе нет вина? – удивился Грегуар. – Я промок и могу простудиться, как отец.

– Сейчас я принесу тебе вино и мясо, – пообещала мать и ушла на кухню.

Вскоре она вернулась и поставила перед младшим сыном миску с жареным мясом и большую кружку, наполненную виноградным вином. Грегуар съел большой кусок нежной баранины и запил его терпким красным вином.

Когда ужин подошёл к концу, Жиральд уже спал. Во сне он тяжело дышал и хрипел.

– Отец давно болеет? – спросил Жером.

– Сегодня захворал, – ответила мать. – Боюсь, что только одним красным вином Жиральд не вылечится.

– Этьен хороший лекарь. Пусть он осмотрит отца, – предложил Жером.

– Это было бы хорошо! – обрадовалась Аннет. – А то не хочется в такую плохую погоду идти в соседнюю деревню за лекарем.

– Да и опасно. В последнее время слишком много волков развелось по всей Окситании, – добавил Грегуар.

– Ты боишься волков? – спросил Жером.

– Немного боюсь, – признался Грегуар. – Когда они собираются в стаю, то становятся опасными.

– Не волков следует бояться. Звери на двух ногах намного страшнее волков, – сказал старший брат.

Этьен встал и попросил хозяйку сполоснуть ему руки водой из кувшина. Вымыв руки над стоявшим в углу комнаты ведром, Этьен подошёл к постели спящего больного. Лекарь пощупал ладонью лоб больного, распахнул ворот его рубахи и простучал грудь Жиральда, который при этом проснулся.

– Откройте рот! – приказал Этьен.

Жиральд сел на кровать и приоткрыл рот.

– Посвети мне, Жером! – попросил лекарь.

Жером взял со стола подсвечник с горящими свечами и поднёс его к сидевшему на кровати отцу.

– Жиральду придётся делать кровопускание? – с тревогой спросила Аннет, увидев в руках Этьена острый нож, который тот вытащил из-за пояса.

– Нет. Но ему требуется серьёзное лечение. У него большие нарывы в горле, – сообщил Этьен.

– Он с утра лечится своим вином, – сказала Аннет.

– Этого мало. Нарывы следует вскрыть, – решил лекарь.

– Нет. Меня не должна касаться рука катара! – Жиральд отпрянул от Этьена.

– Если этого не сделать, то ночью наступит смерть. Нарывы перекроют горло, – объяснил гость.

– Что ж, если иначе меня нельзя вылечить, тогда режь нарывы! – согласился больной.

– Мне потребуется помощь. Грегуар, поддерживай отцу голову, а ты, Жером, ровнее держи подсвечник, – попросил Этьен и прокалил лезвие ножа над пламенем свечи.

– Чем я могу помочь? – спросила Аннет.

– Нужны чистое полотенце и пустая миска.

Жиральд с ужасом посмотрел на острый нож с длинным лезвием, с которым подступил к нему лекарь.

– Что ж, начнём! – объявил Этьен.

Жиральд зажмурился и широко открыл рот, отдавшись во власть лекаря.

Когда Этьен завершил операцию, Жиральд сплюнул сгустки крови с гноем в миску, поднесённую Аннет. Больного уложили на постель. Этьен вытер ему полотенцем окровавленные губы.

– Когда остановится кровь, ему надо будет выпить кружку самого крепкого вина, какое есть в доме, – сказал Этьен.

Спустя некоторое время Жиральд выпил полную кружкупряного вина, настоящего на лечебных травах, и крепко уснул. Этьен промыл водой из кувшина лезвие ножа и положил его на стол.

Все снова сели за стол. Грегуар с любопытством смотрел на своего старшего брата и Этьена. Ведь он никогда ещё не сидел за одним столом с катарами.

– Так это вас я только что видел в храме? – догадался Грегуар.

– Как только я вступил в храм, я сразу же узнал тебя, – сказал Жером.

– Отец Себастьян встревожился, заметив тебя и твоего спутника, – вспомнил Грегуар. – Он расслышал слова, которые произнёс Этьен за моей спиной.

– Удивительно, что простые слова могли встревожить местного священника, – усмехнувшись, сказал Этьен.

– Завтра надо ждать гостей. Наверняка по всем домам пройдутся папские солдаты под предводительством отца Себастьяна, который всегда отличался необычайным рвением в деле поимки катаров. Однако пока идёт ливень, можно не беспокоиться. Солдаты слишком ленивы и пугливы, чтобы выходить из дома ночью во время грозы, – сказал Жером.

– Так вы останетесь? – с надеждой спросила Аннет.

– Только до рассвета. Я не хочу причинять вам серьёзные неприятности, – сказал Жером.

– А теперь расскажи, сынок, как ты провёл последние пять лет? – попросила мать.

– Я не слишком благодарен отцу за то, что он отдал меня в аббатство в Фонффрауде. Не по душе мне было заточение в монастыре. Всё-таки тогда мне было пятнадцать лет, и я, как и всякий нормальный юноша, стремился на волю. Вскоре частые молитвы почти убили во мне стремление к свободе, к мечтам о далёких странах и познанию мира. Однако чтение священных текстов и произнесение изо дня в день одних и тех же молитв пробудили во мне желание узнать более подробно об известных исторических событиях, имевших место двенадцать веков назад в Палестине, которые были описаны разными авторами. Я стал задавать слишком много вопросов аббату Арнольду. Однажды его терпение иссякло, и меня наказали – заточили в келью без окон и дверей, чтобы я смог подумать о спасении своей души и покаяться в грехе неверия. В самом деле, я не был готов принять на веру всё, чему меня долгие годы учили в монастыре.

– Твоему отцу аббат Арнольд написал, что ты покинул фонффраудскую обитель, – вспомнила Аннет.

– Наверняка он сообщил, что я не просто покинул аббатство, а сбежал, – хмуро сказал Жером.

– Как же тебе это удалось? – заинтересовался Грегуар.

– Аббат Арнольд решил заняться моим воспитанием и велел мне присутствовать на казни двух еретиков-катаров и одной ведьмы, которых приговорили к смерти по приказанию папского легата, посетившего наш монастырь. Их выявили и схватили в близлежащей деревне. В сопровождении двух плечистых монахов я вышел за ворота аббатства. Возле монастырской стены к трём столбам были привязаны двое мужчин и женщина. Под ногами у них были сложены кучи хвороста. Папские солдаты согнали на казнь всех жителей той деревни, включая детей. Слышали бы вы, как кричали и плакали дети той женщины! Это зрелище навсегда врезалось мне в память. А ведь мне хорошо вбили в голову завет, дарованный нам Спасителем: «Не убий!». Как только подожгли хворост и мученики стали кричать, я понял, что те, кто пришёл под именем последователей Спасителя, теперь сами стали мучителями и злодеями. Вы никогда не видели, как горят живые люди?

– Слава Богу, нет! – перекрестившись, произнесла Аннет.

– Но вы ведь слышали о кострах, на которых сжигают ведьм и еретиков?

– Про костры все знают, – кивнул Грегуар.

– Так вот, слышать об этом рассказы и видеть воочию весь этот кошмар – совершенно разные вещи. Даже если люди думают иначе, разве нужно проявлять по отношению к ним такую жестокость? Знаете, что больше всего меня поразило в лицах монахов, которые наблюдали за казнью?

– У них были бесстрастные лица? – предположил Грегуар.

– Нет, брат, ты ошибаешься. Их лица не были отрешёнными. Они улыбались. Им нравилось видеть мучения несчастных. Деревенские женщины рыдали, сжимали в бессильной ярости кулаки деревенские мужики, но что они могли сделать против вооружённых папских солдат, собравшихся вокруг места казни? Кстати, среди восторженных наблюдателей был и падре Себастьян. Ты его хорошо знаешь, – сказал Жером.

– Это был именно наш падре Себастьян? – удивился Грегуар.

– Именно он, – подтвердил Жером. – Я не мог ошибиться. Тогда он приехал в фонфруадское аббатство, чтобы присутствовать при казни.

– Этого не может быть! – в ужасе прошептала Аннет. – Это ужасно! Разве можно так расправляться с людьми?

– Надо же! – удивлённо произнёс Жером. – А я думал, что ты, мать, мне не поверишь. Это хорошо, что тебе жалко этих мучеников. Кстати, сожжённые мужчины не были Совершенными – ни епископами, ни коадьюторами, ни диаконами истинной церкви. Это были Верные – простые миряне. А казнённая женщина была уличена в том, что в соседнем посёлке, в который она привозила на днях на продажу лавандовый мёд, подошли куры в курятниках у пяти хозяев.

– Какая же тут связь? – поразился Грегуар.

– Нет никакой связи. Просто папскому легату надо было казнить людей. Ты понял, мой маленький брат?

– Я всё понимаю. Я уже взрослый, – обидевшись, сказал Грегуар.

– Нет. Ты так и остался наивным мальчиком. И уж точно, ты – настоящий католик, – сказал Жером.

– Ты меня словно в этом укоряешь.

– Не обижайся. Надеюсь, что тебе, как и мне, отец желал добра, стремясь вырастить из нас католиков, – сказал Жером.

– Так как же ты сбежал?

– Когда сопровождавшие меня монахи наблюдали за корчившимися в огне мучениками, я осторожно отступил на несколько шагов назад и, под душераздирающие вопли страдальцев, побежал в сторону леса. Меня хватились слишком поздно. Я добежал до реки, на берегу которой увидел лодку. Вёсел я ней не было. Я столкнул лодку в воду и забрался в неё. Быстрое течение подхватило утлую посудину. Я лёг на дно лодки, чтобы меня не было видно с берега, и река понесла меня вниз по течению. Потом я услышал голоса. Я с ужасом представил, что сейчас меня схватят папские солдаты. Однако это переговаривались рыбаки, ставившие сети в реке, русло которой в этом месте значительно расширилось. Они остановили мою лодку и подвели её к берегу. Одетые в тёмно-синие одежды рыбаки высадили меня на берег и стали расспрашивать. Я кратко поведал им о своей жизни в фонфруадском аббатстве, о страшной казни еретиков и ведьмы, и о том, как мне удалось сбежать из монастыря. Рыбаки меня выслушали, а потом отвели в свою деревню, жители которой занимаются, в основном, рыболовством и ткачеством.

– Это были катары? – догадался Грегуар.

– Это были ткачи и рыбаки, принадлежащие истинной церкви. Это были простые миряне, или, как они сами себя называют – Верные мужчины и женщины.

– В последнее время Совершенных апостолов не отличить от мирян, – заметил Грегуар. – Раньше многие катары-проповедники ходили по городам и деревням. Их можно было отличить по войлочным высоким коническим шапкам и чёрным одежам, а также по длинным волосам и бородам, – сказал Грегуар.

– Всё это в прошлом. Отныне, после того, как доминиканцы по всей Окситании стали жечь костры инквизиции, Совершенным приходится таиться, – сказал Жером.

– Тебе тоже приходится скрываться, Жером? – с тревогой спросила мать.

– Я не Совершенный, а всего лишь Верный. Я мирянин, но и мне приходится быть осторожным. Падре Себастьян, к примеру, наверняка, узнал меня сегодня в церкви.

– Тебе угрожает опасность? Думаешь, падре Себастьян, в самом деле, может послать за тобой и твоим другом рыцарей? – разволновалась мать.

– Я в этом уверен. Ведь после моего побега из фонфруадского аббатства падре Себастьян организовал за мной погоню. Я видел, как он во главе папских солдат рыскал по деревне, в

которую меня привели рыбаки. Местные жители были осведомлены о том, где я скрывался, но они не выдали ни меня, ни хозяина того дома, в котором я нашёл приют. А что касается рыцарей, то ты ошибаешься. Не такие мы с Этьеном важные птицы, чтобы задействовать в нашей поимке рыцарей – хватит и солдат.

– Падре Себастьян наверняка догадывается, где ты можешь ночевать, – сказал Грегуар.

– Я повторяю – плохая погода защитит этой ночью нас с Этьеном.

– Этьен, ты откуда родом? – поинтересовалась хозяйка.

– Я родился в Бретани, – ответил гость.

– Этьен – бывший вальденс, – пояснил Жером.

– Час от часу не легче! – послышался слабый голос проснувшегося больного. – Теперь в нашем доме объявился ещё и вальденс, пусть и бывший.

– Отчего ты так сердито говоришь об этом, отец? – спросил Грегуар.

– Оттого, что вальденсы ещё хуже катаров. Они отрицают собственность. А я ещё не сошёл с ума, чтобы восторгаться идеями тех, кто убеждает всех расстаться со своим имуществом, – прохрипел винодел.

– Этьен уже давно стал Верным мирянином истинной церкви. Он больше не вальденс, – успокаивающим тоном произнёс Жером.

– Невелика разница между катарами и вальденсами, – буркнул Жиральд.

– Разница есть. Я сам в своё время принимал участие в горячих богословских диспутах между Совершенными катарами и вальденсами. Ведь в священных книгах существует множество разногласий. Однако в главном вальденсы и катары сходятся, считая, что папский престол – это престол князя тьмы, – произнёс Этьен.

– Молчи, еретик! – вскричал Жиральд. – Вон из моего дома!

– Что ж, если ты гонишь Этьена, тогда и я пойду, – вставая, сказал Жером.

Его примеру с готовностью последовал Этьен. При этом он взял со стола нож и убрал его в ножны, висевшие на поясе. Этьен не обратил внимания на то, что взял со стола не свой нож, а хозяйский.

– Если тебе стало лучше, Жиральд, то только из-за помощи Этьена. Не смей гнать из дома своего целителя! Я запрещаю прогонять товарища нашего сына! – твёрдо произнесла Аннет. – Если ты будешь настаивать на этом, тогда уйду и я.

– Отец, если слова Этьена достойны осуждения и наказания, то оставь это на усмотрения Господа, – сказал Грегуар. – У тебя доброе сердце. Ведь ты сам по праздникам помогаешь бедным. Так неужели ты выставишь в грозу из своего дома гонимых?

– Ладно, оставайтесь. Но больше не смейте так говорить. Я верую в святость Папы, и никто никогда не переубедит меня в этом, – успокаиваясь, попросил Жиральд.

– Присаживайтесь за стол! – обратилась Аннет к гостям. – Мы с Грегуаром ещё немного послушаем ваш рассказ, а потом вы отправитесь отдыхать. Места на всех хватит. У нас большой дом.

– Этот прекрасный большой дом, в котором мы все сейчас находимся, появился благодаря мне и моему труду, – сказал Жиральда. – Огромные винные погреба, наполненные бочками с прекрасными винами из лучших сортов окситанского винограда, тоже появились у нас благодаря мне. Если бы я проводил всё время в пустых поисках несоответствий в священных книгах и был бы таким же бездельником и лентяем, как вальденсы и катары, у нас ничего не было бы, и мы с тобой, Аннет, скитались бы по дорогам и просили милостыню. Благодаря Святейшему Папе ещё не распалось Франкское государство, ещё трудятся благочестивые католики под тёплым окситанским солнцем!

– Отец, ты сейчас договоришься до того, что только благодаря Папе зреет виноград и пшеница, запевают по утрам птицы и плещутся в реках рыбы, – усмехнувшись, сказал Грегуар.

– Грегуар, не встревай в разговор! – прохрипел винодел и закашлялся.

– Отец, почему ты не оставил меня дома и не позволил заняться виноделием, а направил в фонфруадское аббатство? – нахмурившись, спросил Жером.

– Да оттого, что все священники католической церкви, уже не говоря про епископов, живут не хуже удачливых виноделов, при этом, сильно не напрягаясь, – произнёс Жиральд. – А ты вполне мог бы стать епископом, учитывая связи твоего дяди Жерара.

– Я не могу понять, кто же тогда больший лентяй – катары или католики? – усмехнулся Жером.

– Не лови меня на слове! – вскричал Жиральд. – Замолчи! Не становись для меня врагом.

– Сейчас ты окончательно поссоришься со своими сыновьями, Жиральд. Остановись! – потребовала Аннет.

– Это всё из-за тебя! Вот оно – твоё воспитание! В жилах наших сыновей течёт твоя катарская кровь, и в них живёт дух противоречия, – недовольно проворчал Жиральд.

– Не обращайтесь на него внимания. Похоже, Жиральд начал выздоравливать, если так ругается, – сказала Аннет и снова пригласила к столу старшего сына и его друга:

– Так вы присаживайтесь! Спасибо, Этьен, что ты помог моему неблагодарному супругу. Жером и Этьен снова сели за стол.

– Значит, завтра утром вы нас покинете? – спросил Грегуар.

– Завтра мы снова отправимся в путь, – подтвердил старший брат.

– Куда же вы следуете, если не секрет? – поинтересовалась Аннет.

– Если бы отец спал, тогда я бы, может и рассказал, – сказал Жером.

– Вот как! Выходит, если я вступаю за Папу Римского, то я уже сразу становлюсь доносчиком? – с негодованием произнёс хозяин.

– Просто тебе не стоит волноваться, отец, – примиряющим тоном произнёс Жером.

– Не хочешь – не рассказывай, – пробурчал больной и отвернулся к стене.

– Зачем вы зашли в храм? Стоило ли так рисковать и попадаться на глаза падре Себастьяну? – удивился Грегуар.

– Я хотел убедиться, что именно отец Себастьян теперь проповедует в нашем храме, – сказал Жером.

– Да. Падре Себастьян в прошлом году сменил нашего кюре Жана, которого отозвали в Рим по причине его слишком мягкого отношения к еретикам. Ведь ты знаешь, что у нас, в Монтэгле, католики всегда хорошо относились к иноверцам, – напомнил Грегуар.

– Да. Жаль нашего бывшего славного кюре Жана. Не поздоровится ему теперь за его доброту! – воскликнул Жером.

– Но ты не объяснил, зачем тебе понадобился падре Себастьян?

– Видишь ли, он наверняка знает, где находится в заточении Оливия, – сказал Жером.

– Кто такая Оливия? – заинтересовалась Аннет.

– Девушка из одной деревни, которая расположена далеко отсюда, – немного смутившись, сказал Жером.

– Она, наверняка, катарка? – послышался хриплый голос с кровати.

– Какая разница, катарка она или католичка? У неё доброе сердце, и она очень красива. Вот только плохо, что падре Себастьян на неё положил глаз. После того, как меня спасли добрые рыбаки, они посоветовали мне не оставаться на одном месте. Я стал путешествовать из одного катарского селения в другое. В одной из деревень я познакомился с девушкой, которую зовут Оливией. Тем временем падре Себастьян во главе папских солдат продолжал рыскать по катарским деревням. Однажды, когда я уже покинул ту деревню, падре Себастьян с солдатами появился туда. Он заметил Оливию и стал к ней приставать. Она прогнала мерзкого сластолюбца. Тогда по приказу падре Себастьяна Оливию схватили папские солдаты. Я слышал, что её заточили в монастырь.

– Хватит клеветать на падре Себастьяна! – возмутился Жиральд.

– Неужели ты думаешь, что падре Себастьян – святой? – удивился Жером. – Всем известно о его пристрастии к красивым молодым женщинам.

– Известно, что вы, катары, всегда возводите напраслину на католиков, – сказал Жиральд.

– Падре Себастьян ещё хорошо обошёлся с Оливией. Видно, он лелеет надежду, что полюбовно овладеет ею, – вступил в разговор Этьен.

– В общем, я собираюсь отыскать тот монастырь, где томится Оливия, а для этого мне надо переговорить с падре Себастьяном. Кстати, знайте, что Себастьян только временно замещает кюре в Монтэгле. На самом деле он носит сан не ниже епископа и часто бывает в Риме, припадая к ногам Папы, – поведал Жером.

– Неужели только желание пообщаться с падре Себастьяном привело тебя в наши края? – спросил Жиральд.

– А про остальное не надо никому знать, – уклончиво ответил Жером.

– Ладно, сын. Забудем всё, что я тут наговорил. У меня уже спал жар. Да и горло уже не так болит. Вроде мне и вправду полегчало. Твой друг мне помог. Он хороший лекарь, – признался Жиральд.

– Я должен помогать людям, – сказал Этьен.

– Может, всё-таки, выпьете вина, молодые люди? – предложил Жиральд.

– Спасибо, но мы пьём только вино, сильно разбавленное водой, и то, только когда простудимся, а сейчас мы здоровы, – отказался Жером.

– Не пойму, зачем надо портить вино, разбавляя его водой, и чем доброе вино может навредить человеку? – ворчливо произнёс Жиральд.

– Мало того, что к пьяному человеку приходят бесы, так вино ещё развязывает язык, – ответил Жером.

– Человека, выпившего кружку доброго вина, посещают добрые ангелы, а вовсе не бесы! – воскликнул Жиральд и добавил:

– А вот насчёт того, что вино может развязать язык лучше любых раскалённых щипцов, это уже давно всем известно.

– Вот потому мы и не станем пить вино, – сказал Жером.

– Но разве человеку, в голове которого есть только благородные и чистые помыслы, стоит опасаться, что, выпив вина, он станет более красноречив? – спросил хозяин, взглянув на старшего сына.

– Мы уже сыты, – спокойно произнёс Жером. – Нам надо отдохнуть.

– Ты будешь спать в своей комнате, Жером, а Этьену найдётся место в комнате под крышей, – сказала Аннет.

Жиральд попытался подняться с постели.

– Тебе не стоит вставать, – остановила его супруга.

– Дай мне вина, Аннет! – потребовал Жиральд, усаживаясь на кровати.

Винодел прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Аннет налила из кувшина вино в кружку. Тут Этьен достал из кармана полотняный мешочек.

– Больному сейчас надо уснуть, – сказал Этьен и, развязав мешочек, высыпал в кружку белый порошок.

Аннет поднесла кружку мужу.

– Выпей и ложись! – сказала женщина.

Жиральд встрепенулся, приоткрыл глаза и, приняв из рук Аннет кружку, залпом выпил вино.

– Я не собираюсь спать, – мотнул головой Жиральд, передавая опорожнённую кружку супруге. – Мне интересно побеседовать с молодыми людьми.

Язык у Жиральда начал заплетаться. Вскоре он повалился на бок и захрапел.

– Хорошее у тебя снадобье, лекарь. Им давно надо было угостить Жиральда, – улыбнувшись, сказала Аннет.

– Может, ещё немного поговорим? – с надеждой спросил Грегуар, заинтересовавшись рассказами старшего брата.

– Нет. Я слишком устал, – ответил Жером.

Грегуар направился в свою комнату и, не раздеваясь, лёг на кровать. Ему не спалось. Ливень не прекращался. Грегуар лежал и прислушивался к завываниям ветра и шуму проливного дождя. Потом ему надоело лежать. Он встал и направился к старшему брату. Впервые за долгие годы Жером ночевал в своей комнате, пустовавшей долгие годы. Грегуар отворил заскрипевшую дверь.

– Ты не спишь, Жером? – прошептал Грегуар.

– Не сплю, – недовольно произнёс старший брат. – Ну что ты встал? Проходи, если пришёл.

Грегуар зашёл в комнату и затворил за собой дверь. В помещении было темно. Только вспышки молний за окном, время от времени, освещали её. Кроме кровати, стоявшей возле стены, здесь не было никакой мебели. За стеной слышался гул протекавшей возле дома бурной реки.

– Присаживайся и говори, зачем пришёл, – сказал Жером, усаживаясь на кровать.

При вспышках молний, Грегуар заметил, что Жером тоже лёг спать в одежде. Грегуар присел на край кровати и спросил:

– Скажи, о чём ты не хотел рассказывать отцу?

– Какой же ты хитрый, малыш! Неужели ты решил, что тебе я уж точно раскрою цель нашего с Этьеном путешествия?

– Я уже не маленький. Но если не хочешь, не рассказывай, – буркнул Грегуар.

– Не надуйся, как жаба. В детстве ты был похож на жабу, когда обижался, – сказал Жером.

Грегуар вспомнил, как часто в детстве старший брат его дразнил и смеялся над ним.

– Ты решил снова, как прежде, посмеяться надо мной? – обиженно спросил Грегуар.

– Нет. Просто я вспомнил те давние годы, когда я был счастлив в Монтэгле, – произнёс Жером. – Я нисколько не хотел тебя обидеть.

– Неужели в фонфруадском аббатстве тебе было так плохо?

– Хорошо, что ты не знаешь, что такое настоящая тоска. А в фонфруадском аббатстве я испытал её сполна.

– Но разве став катаром, тебе стало весело? Ведь катары не могут радоваться жизни. Я слышал, что они даже против создания семьи и рождения детей. Если все будут следовать их примеру, Окситания вымрет.

– Наша Окситания вымрет не из-за этого, – с горечью произнёс Жером. – Скажи, разве священники, давшие обет celibата, дают повод для подобных разговоров?

– Нет.

– Тогда почему то, что относится к Совершенным катарам, некоторые люди переносят на всех исповедующих истинную веру? Верным катарам не возбраняется иметь детей.

– Вы называете вашу веру истинной, а на самом деле эта вера – ересь! – заявил Грегуар. – Заметь, брат, сколько существует ересей, а католическая вера одна и она будет вечной.

– Это не означает, что все люди должны слушать только то, что им говорит Папа Римский. Католики замалчивают правду о жизни светлого проповедника, посланного на землю Господом. Знаешь ли ты, что всё, что создано Богом, находится вне мира материи? Всё, что существует в материальном мире – есть порождение дьявола. Лишь единственно чистого и светлого Учителя направил Бог на грешную землю, вдохнув в него Святой Дух.

– По-вашему, выходит, что все люди, и мы с тобой – порождение князя тьмы? – с ужасом произнёс Грегуар.

– Души павших ангелов вселяются в человеческие тела, чтобы, проведя жизнь в суровом земном мире зла и тьмы, искупить грехи и вернуться в Высший мир к своему Господу. Так говорят наши священники, – пояснил Жером.

Грегуар надолго замолчал.

– Отчего ты молчишь? – спросил брата Жером.

– Мне пришла в голову ужасная мысль. Если разные священники говорят по-разному, то истина может лежать где-то посередине или всё вообще может оказаться неправдой.

– Не печалься, Грегуар, Великий Учитель не зря был послан Господом. И доказательства того, что он действительно жил на земле, у катаров есть. Смею тебя уверить, эти доказательства вполне материальны. Однако больше я тебе ничего не скажу. Пока тебе об этом рано знать.

– Скажи, брат, а отчего катары так превозносят женщин?

– Катары вовсе их не превозносят. Просто порой Совершенных женщин епископы-катары возводят в сан священнослужителя, правда, не очень высокий. Но скажи мне, Грегуар, отчего женщины не заслужили к себе нормального отношения? Разве наша с тобой добрая мать не заслуживает к себе хорошего отношения и любви Господа? Так вот, среди людей, которые шли рядом с Учителем по жизни, были женщины. Вспомни про его мать. Тебе следует лучше узнать веру катаров.

– Знаю я вашу ересь! Падре Себастьян рассказывал про заблуждения катаров, – сказал Грегуар.

– Давай прекратим нашу беседу. Ты слишком много собираешься у меня выведать. К тому же, в некоторые вещи я не посвящён. Возможно, когда-нибудь тебе предстоит о многом узнать, но не сейчас. Ты ещё слишком молод, Грегуар, и, к тому же, когда ты обижаешься, то надуваешь щёки, словно жаба, – с насмешкой произнёс Жером.

– Ты снова норовишь меня обидеть.

– Я просто не хочу, чтобы ты раньше времени полез впереди старшего брата в пекло в прямом и переносном смысле.

– Скажи, с ножом ходит только Этьен, или ты – тоже? – вдруг спросил Грегуар.

– Конечно, и у меня тоже есть нож. Ведь по пути нам могут повстречаться волки или змеи. Разве отрезать голову змее, которая собирается тебя укусить, – такое большое зло? – спросил Жером.

– Я слышал, что катары следуют заповеди «Не убий!».

– В исключительных случаях, когда надо защитить доброго человека, убийство возможно. В отличие от Совершенных катаров – посвящённых диаконов, коадьюторов и епископов, некоторые катары-миряне имеют право носить оружие и защищать от врагов себя, свои семьи и своих единоверцев. Отчего, если Святая церковь позволяет инквизиции жечь на кострах, пытать и мучить добрых людей, катары не должны защищаться? Хотя, Совершенные катары не носят оружия, но поверь мне, за них есть, кому заступиться. Совершенные даже не всегда догадываются, что на их защите стоят Стражи Мира, – сказал Жером и вдруг осёкся.

– Кто это? – удивился Грегуар.

Он понял, что старший брат проговорился и теперь решил выведать у него как можно больше.

– Никому не рассказывай про Стражей Мира. Понял? – с угрозой произнёс Жером.

– Понял, – кивнул Грегуар.

– Так ты пойдёшь к себе спать? – резко спросил Жером.

– Ты прогоняешь меня? – расстроился Грегуар. – Можно мне ещё поговорить с тобой? Можешь меня сколько угодно называть жабой. Я нисколько не обижусь.

– Нет. Я и так слишком заболтался с тобой. Ступай спать. И веди себя благоразумно. Не расстраивай родителей, как это делаю я. Наступают тяжёлые времена, суровые испытания ожидают и катаров, и тех, кто станет за нас заступаться.

– Но ведь таких ревностных католиков, как наш отец, или монахи фонфруадского аббатства, в Тулузском графстве меньшинство, – заметил Грегуар.

– Да. Самая большая опасность исходит вовсе не от местных католиков. Да и падре Себастьян с отрядом папских солдат, не представляют особой угрозы для добрых людей. Их следует опасаться беззащитным девушкам, старикам и странствующим в одиночку ткачам. Грядущая опасность намного серьёзней.

– Эта опасность исходит из Рима?

– Ты снова выводешь меня на опасный разговор. Я же тебе велел отправляться спать, маленький лягушонок!

– Я не обиделся. Не гони меня! – умоляющим голосом попросил Грегуар.

– Всё-таки ты не дашь мне выспаться. Нам с Этьеном рано утром надо отправляться в путь, а ты можешь дрыхнуть до обеда, бездельник!

– Завтра должны доставить воз водорослей с моря, и мне придётся их сгружать и раскладывать под навесом.

– Тем более, тебе пора идти спать.

– Тогда, спокойной ночи, – произнёс Грегуар и, вздохнув, направился к себе в комнату.

– Прощай, брат! – тихо произнёс ему вслед Жером.

Грегуар лёг на кровать в одежде, не снимая ботинок, и, накрывшись с головой тонким покрывалом, уснул под мерный усыпляющий шум ливня и грохотававший в отдалении гром...

Жером не собирался спать. Через некоторое время, когда в доме стало тихо, и лишь из-за стенки слышался храп его отца, Жером вышел в коридор. В темноте, возле лестницы, он едва не столкнулся с Этьеном.

– Ты готов? – шёпотом спросил Этьен.

– Да. Думаю пора идти. Самое время, – тихо сказал Жером.

– Ты не станешь прощаться с матерью?

– Нет. Будет слишком много слёз и разговоров. Я благодарен матушке за приют и ужин, но нам надо незаметно уйти.

– На улице всё ещё идёт дождь. Наши плащи ещё не высохли.

– Нам с тобой не привыкать ходить под дождём. К тому же, дождь уже заканчивается, – сказал Жером, накидывая на плечи мокрый плащ.

Жером и Этьен вышли на улицу и, под покровом ночи, под морозящим дождём, направились в сторону большого двухэтажного дома, стоявшего неподалёку от церкви. Некоторое время Жером и Этьен издали наблюдали за жилищем, во всех окнах которого горел свет, а, когда забрезжил рассвет, приблизились к дому.

– В доме падре Себастьяна до сих пор горит свет. Это неспроста, – заметил Этьен.

– Неужели он так боится грозы, что зажёт во всём доме свечи? – удивился Жером.

– Зайдём к нему в гости? – предложил Этьен.

– Обязательно навестим падре. Ведь мне надо узнать, где находится Оливия, а, кроме Себастьяна, про неё вряд ли кто расскажет.

Они подошли к дому. Этьен заглянул в окно и тут же отпрянул.

– Падре не один, – сообщил Этьен. – В его доме собрались папские солдаты. Их много.

– Интересно, что они делают ночью в грозу в доме священника? – спросил Жером.

– Наверно падре даёт им указание отыскать и схватить двух еретиков, заглянувших в церковь на вечернюю проповедь, – усмехнулся Этьен.

– Видно, сегодня нам не удастся переговорить с ним по душам, – расстроился Жером.

– Слишком много времени мы потеряли в бесполезных рассуждениях в доме твоих родных, – с укором сказал Этьен. – Видно, твой отец так навсегда и останется ревностным католиком.

– Я не рад, что мой отец – католик, но, наверно, отцу тоже не нравится, что его старший сын стал катаром.

– Пока не поздно, нам следует отсюда убираться. Не стоит делать столь щедрый подарок Себастьяну – прийти самим к нему домой и сдать солдат.

– Наверняка, он узнал меня в церкви и догадывается, где нас можно найти. Думаю, сейчас он довольно потирает руки в предвкушении завтрашнего утра, когда пошлёт солдат, чтобы те арестовали нас в моём родном доме.

– Только бы он не стал мстить твоим родным, – забеспокоился Этьен.

– Надеюсь, они не пострадают. Мой отец всеми уважаемый винодел. Всем известна его ненависть к катарам. К тому же, папские солдаты не обнаружат нас с тобой в доме моего отца, и обвинить моих родителей будет не в чем, – сказал Жером и добавил:

– Жаль, что нам не удалось ничего разузнать у Себастьяна про Оливию.

– Уходим! – заторопился Этьен, услышав, как заскрипела дверь.

Едва катары успели скрыться в густых зарослях кустарника, как дверь отворилась, и на улицу вышел падре Себастьян. За ним следом под моросящий дождь вышли вооружённые секирами, мечами и копьями солдаты, возглавляемые молодым сержантом, который взмахнул рукой, словно призывая своих подчинённых на ратный подвиг, и повёл отряд за собой. Рядом с сержантом семенил падре Себастьян.

Возле двери его дома остались два солдата с секирами в руках. Жером и Этьен проводили взглядом отряд солдат, а сами направились в противоположную сторону, следуя в стороне от дороги – по высокому бурьяну и зарослям кустарника...

Когда рассвело, и дождь уже закончился, сержант и падре Себастьян привели отряд к дому винодела Жиральда. Сержант постучал в дверь, которую вскоре открыла заспанная хозяйка. Из-за плеча сержанта выглядывал хмурый Себастьян.

– Что случилось, падре? – спросила Аннет.

– У меня есть сведения, что в вашем доме скрываются катары, – сказал Себастьян.

– Разве принадлежность к катарам уже стала преступлением в Окситании? – удивилась Аннет.

– Твой старший сын сбежал из фонфруадского аббатства, а недавно он объявился у нас в Монтэгле. Нам с сержантом Лефевром надо его вернуть в аббатство. Но не только это стало причиной нашего прихода в дом досточтимого Жиральда. Твой старший сын Жером связался с бывшим вальденсом по имени Этьен, который в Бретани убил невинного юре. Жером с преступником Этьеном путешествуют вместе и, возможно, готовят новые преступления. Как видишь, Аннет, наши агенты не дремлют. Пропусти нас в дом!

– Вы хотите их убить?! – вскричала Аннет и попыталась закрыть дверь, но сержант помешал ей, выставив ногу.

– Нет, мы всего лишь собираемся вернуть твоего заблудшего сына в аббатство, а с Этьеном будем разбираться отдельно. Именем Папы я приказываю тебе – пропусти нас в дом! – потребовал падре.

– На этой земле правит граф Раймунд Тулузский, а не Папа, – возразила Аннет.

Лефевр грубо оттолкнул её и вместе с падре Себастьяном зашёл в дом. Следом за ними в дом, гремя оружием, ввалились солдаты.

– Что происходит? – крикнул из своей комнаты проснувшийся Жиральд.

– Солдаты пришли за нашим сыном! – крикнула Аннет.

Падре и сержант в сопровождении пяти солдат прошли в комнату, где лежал больной.

– Не ходите туда. Жиральд болен. У него болит горло, – попросила Аннет.

– Где твой старший сын, Жиральд? – спросил падре Себастьян, не обратив внимания на просьбу хозяйки.

– Я не понимаю... Я болен. У меня болит горло, – с испугом глядя на падре проговорил Жиральд.

– Не хитри, винодел! Ты вовсе не кажешься больным. Твой сын стал катаром и связался с преступником. Как ты, ревностный католик, мог это допустить?! – вскричал падре.

– Я отдал Жерома в фонфруадское аббатство – оплот Папского престола в Окситании, – ответил Жиральд и встал с постели.

– Здесь точно был катар! – воскликнул Себастьян, бросив взгляд на стол, а затем посмотрел на хозяина и спросил:

– И где же они – твой сын и тот эскулап, который лечил тебя этой ночью? Ведь у тебя болит горло.

– Я не понимаю, о чём идёт речь, – упавшим голосом проговорил Жиральд, стоявший перед падре Себастьяном в белой рубахе и штанах.

– Сейчас ты всё поймёшь! – вскричал падре Себастьян и, схватив со стола нож, приблизился к Жиральду, который не сводил глаз с острого лезвия.

– Взгляни-ка на рукоять этого ножа. Такими ножами обычно пользуются лекари-катары, – прошипел падре. – Что здесь делал владелец этого ножа? Может, он лечил тебя? Может, он вскрывал у тебя в горле нарывы?

Падре подsunул под нос Жиральду нож с выгравированной на его рукоятке пчелой.

– Видишь? Что это такое? – снова зашипел падре Себастьян.

– Пчёлка, – упавшим голосом прошептал испуганный винодел.

– Вот именно, это пчела – один из символов катаров. Так кто приходил в твой дом под покровом ночи?! – закричал падре и, повернувшись к сержанту, потребовал:

– Лефевр, обыщите весь дом. Всё перерыть! Искать в комнатах, чуланах, сарае, конюшне, в подвале и на чердаке. Проверьте все винные бочки.

– Помилуйте, святой отец! – закричал винодел. – Только не надо никого искать в бочках.

– И в бочках тоже ищите! – приказал Себастьян.

Солдаты с рвением принялись обыскивать дом. В одной из комнат они застали человека, который спал на кровати под тонким покрывалом.

Падре Себастьян кивнул на спящего. К кровати подошёл солдат и сорвал покрывало...

Когда в дом ворвались папские солдаты, Грегуар крепко спал в одежде, укpывшись с головой тонким покрывалом и свесив с кровати обутые в ботинки ноги. Несмотря на крики и шум в доме, он не проснулся. Лишь после того, как солдат сорвал с него покрывало, Грегуар пробудился и открыл глаза. Сначала он ничего не понял, а когда увидел склонившегося над ним вооружённого секирой солдата, отчаянно закричал и лягнул его ногой в грудь. Увидев ещё нескольких вооружённых солдат в своей комнате, а также падре Себастьяна, Грегуар вскочил с кровати, схватил покрывало и швырнул его в направившихся к нему солдат. Затем он распахнул окно и выпрыгнул в сад.

Остававшиеся снаружи дома солдаты устремились к беглецу. Грегуар метнулся к реке и прыгнул в её бурные холодные воды. Солдаты лишь проводили взглядом его голову, замелькавшую среди пенистых волн. Разбушевавшаяся после сильного ливня река быстро уносила Грегуара вниз по течению.

Разъярённый падре Себастьян закричал:

– Обыскать остальные комнаты, чердак и погреб!

Не обнаружив никого в комнатах и на чердаке, солдаты спустились в винный погреб, зажгли факелы, закреплённые на стенах, и принялись разбивать бочки секирами, копьями и мечами. Из пробитых бочек, заливая пол, хлестало вино. Затем солдаты принялись выбивать

пробки из ещё уцелевших бочек. Они подставляли кружки, наполняли их и жадно пили вкусное терпкое вино, не обращая внимания на крики спустившегося в погреб падре Себастьяна:

– Сейчас же прекратите! Сержант, остановите своих негодяев! Пусть они перестанут лакать вино.

Лишь спустя время падре Себастьяну и сержанту с трудом удалось заставить опьяневших солдат покинуть погреб.

Растерянные хозяева стояли посреди комнаты, когда к ним приблизился падре Себастьян.

– Мы не нашли у вас преступников, но это ничего не значит. Мы продолжим их поиски. И только попытайтесь снова предоставить им приют, Вы сильно пожалеете! – с угрозой произнёс падре Себастьян. – И скажите мне, чего так испугался ваш младший сын? Ведь это был не Жером, а Грегуар. Я узнал его. Так почему Грегуар убежал от нас?

– Наверно, спросонья он испугался вооружённых солдат, – ответил Жиральд.

– Вот, значит, как... А я полагаю, что его совесть тоже нечиста. Что ж, до встречи, добрые католики! – сказал падре и приказал сержанту:

– Лефевр, уводите солдат! Должен отметить, что у вас в подчинении вовсе не солдаты, а растяпы и пьяные свиньи.

Солдаты покинули дом винодела. Уходя, падре Себастьян, громко хлопнул дверью. На улице он снял свою круглую шапочку, протёр платком лысину и со злостью плюнул на дверь.

– Ты слышала, что сейчас сказал падре о пьяных солдатах? – спросил Жиральд у супруги.

– Что они свиньи, – ответила жена.

– Пойду, проверю, погреб, – решил Жиральд.

Он спустился в погреб, и вскоре оттуда послышался его душераздирающий крик:

– Нет! Не может быть!

Аннет следом за мужем спустилась в погреб по каменной лестнице.

– Я стою по колено в вине. Они всё уничтожили! Они разбили бочки, а из оставшихся вылакали всё вино! – кричал Жиральд, обхватив голову руками.

Сверху послышался голос:

– Хозяин, мы привезли морские водоросли. Выходи разгружать!

– Ты слышал, Жиральд? Тебя зовут, – сказала Аннет.

– Зачем теперь нужны водоросли, если у нас не осталось вина, в которое их надо было добавлять. Эти злодеи уничтожили все наши запасы. Мы разорены! – прохрипел Жиральд.

Глава 2. Виноградники на зелёных холмах

Оказавшись в ледяной воде, Грегуар усердно заработал руками и ногами, помогая течению унести его как можно дальше от родного дома, в который ворвались папские солдаты. Оказавшись в бурной реке, нёсшей сломанные сучья и сорванную ветром листву, Грегуар быстро заоченел от холода и стал думать, как ему выбраться на берег.

Разлившаяся река затопила деревья, росшие по берегам. Грегуар смог доплыть до одного из них и ухватился за свисавший над водой крепкий сук. Потом ему удалось достать ногами дно. Преодолев бешеное сопротивление реки, он выбрался на берег.

Возле реки раскинулся зелёный луг, поросший золотистыми одуванчиками. Грегуар пошёл по нему. Вскоре от усталости у него закружилась голова. Он снял ботинки, в которых хлюпала вода, скинул с себя мокрую одежду, лёг на землю и стал смотреть в бездонное синее небо. Лучи восходящего солнца, пробивавшиеся сквозь уползавшие за горы обрывки чёрных туч, быстро согрели его. Прислушиваясь к мерному гулу бурлящей реки, Грегуар уснул под безмятежным небом Окситании.

Проснулся он, когда солнце стало припекать. Юноша спохватился, вспомнив, что его могут преследовать папские солдаты и, поднявшись с земли, быстро облачился в уже подсохшую одежду – перепачканную чёрной грязью белую рубаху и плотные серые штаны. Надев ботинки, он осмотрелся и успокоился. Нигде и в помине не было видно его возможных преследователей. Грегуар удивился, как далеко на север унесла его река. Местность, в которой он очутился, была ему незнакома. По берегам реки, на зелёных холмах, которые здесь были намного ниже, чем холмы близ Монтэгле, раскинулись виноградники.

Грегуар беспокоился за судьбу своих родителей и старшего брата. Он не знал, что произошло с ними после его побега. Однако возвращаться домой было опасно. Грегуар понял, что теперь ему уготована участь скитальца. Юноша решил не отчаиваться, найти местных жителей и расспросить их, где он очутился. Наличие ухоженных виноградников говорило о том, что поблизости жили люди. Грегуар поднялся на высокий холм и окинул взглядом окрестности. Высокие горы на юге были едва различимы за синевато-серой туманной дымкой. Зато простирающаяся далеко на север изумрудная равнина была видна как на ладони. Впереди, на берегу извилистой реки, он заметил белые дома под красными крышами. Небольшая деревенька утопала в розовато-белой пене цветущих яблоневых садов. На пути к той деревне лежали невысокие зелёные холмы, за которыми начинались поля, чередующиеся с дубравами и сосновыми рощами.

Грегуар спустился с холма, вышел на дорогу и направился к ближайшей дубраве. Вскоре он вступил под сень могучих деревьев. Плотная листва защищала путника от палящего зноя. Грегуар бодро шагал, наслаждаясь царящими в дубраве тишиной и покоем. И тут впереди послышались крики, лошадиное ржание и топот копыт. Едва Грегуар успел спрятаться за стволом мощного дуба, как мимо него на вороной лошади проскакала красивая девушка в длинном чёрном платье. На голове у неё был чёрный чепец, из-под которого выбивались кудрявые тёмные волосы.

Спустя некоторое время, следом за красавицей, выкрикивая проклятия, пронеслись три всадника в доспехах, с висевшими на поясе мечами. Грегуар немало удивился тому, что за юной и хрупкой девушкой была отряжена столь серьёзная погоня. Всадники, в которых Грегуар узнал папских солдат, ускакали, и юноша уже собирался выйти на дорогу и продолжить путь, но тут снова услышал крики и топот копыт. Юноша осторожно выглянул из-за дерева и увидел возвращающихся солдат. Они были напуганы – Грегуар заметил их перекошенные от ужаса лица.

– Ведьма! Ведьма! – кричал один из них.

– Чёрная кошка скачет на лошади! – вопил другой солдат.

– Стойте! Подождите меня! – кричал отставший всадник.

– Во имя всего святого, остановитесь! – крикнул показавшийся на дороге полный человек средних лет, восседавший на серой лошади.

Судя по чёрной сутане, круглой шапочке и медному кресту на груди, это был католический священник. Солдаты остановили лошадей.

– Где она? Почему вы её не догнали и не схватили? Отвечай, Дюран! – потребовал подъехавший к солдатам священник.

– Падре Антонио, так ведь вы сами нам сказали, что она ведьма! – выпалил плотный широкоплечий круглолицый кареглазый солдат.

– И что же? – строго спросил падре.

– Всё подтвердилось. Она и в самом деле ведьма, как вы говорили, святой отец! – сообщил Дюран.

– Дюран, тебе не пристало бояться ведьмы. Твой отец был кюре. К тому же, у тебя есть меч. Отчего же ты испугался ведьмы? Неужели ты не веришь в силу молитвы? – с укором выговаривал солдату падре Антонио.

– Так ведь все молитвы вылетят из головы, когда такое увидишь! – воскликнул Дюран. – Падре, ведьма оборотилась кошкой! Эта девица не простая ведьма. Она оборотень.

– Бертран, ты тоже видел ведьму в обличье кошки? – спросил падре, рослого курносого сероглазого солдата с простодушным веснушчатым лицом.

– Да! Я тоже её видел. На лошади скакала чёрная кошка! И скакала она прямо на нас. Эта ведьма ничего не боится, – часто моргая, сообщил Бертран.

– Неужели и ты, Томас, увидел чёрную кошку, скакавшую на лошади? – с нескрываемой иронией поинтересовался священник у худощавого остроносового всадника.

– Нет. Я не видел никакой кошки. Я поскакал назад, чтобы остановить бегство Дюрана и Бертрана, – поведал Томас.

– Ты и не стремился их остановить. Томас, ты сам драпал и просил солдат подождать тебя! От тебя, сержант, я не ожидал, что ты окажешься таким же трусом, как эти два солдата, которые сейчас дрожат от страха. Неужели вы все испугались кошки? – засмеялся падре.

– Но ведь кошка скакала на той самой лошади, на которой от нас сначала удирала ведьма. Так что, этой кошкой и была сама ведьма, – сделал вывод Дюран.

– Вот именно! С какой стати кошка направила на нас лошадь? Это была ведьма, – уверил Бертран.

– Вот же заладили! Кошка! Кошка! Вас не остановить, – недовольно произнёс священник и спросил с усмешкой:

– И куда же подевалась ваша чёрная кошка? Уж не почудилось ли вам? У страха глаза велики.

– Кошка на лошади свернула в сторону и скрылась за деревьями. Когда я осмелел и оглянулся, то заметил, как она свернула с дороги, – ответил Бертран.

– Он, видите ли, осмелел! А сам до сих пор стучишь от страха зубами. Вот дали мне в помощь вояк! – рассмеялся падре Антонио.

– Если бы передо мной появился большой отряд сарацин, я не испугался бы, а вступил с ними в бой, – обиженно произнёс Бертран.

– Судя по твоему бледному лицу, тебя сейчас испугает не только отряд сарацин, но и обычный заяц, – рассмеялся падре.

– Тише! Слушайте! – призвал сержант и поднял вверх правую руку.

Тут послышалось громкое ржание, сопровождаемое истошным мяуканьем и визгом. Не только солдаты, но и падре Антонио, и Грегуар побледнели. У падре лицо вскоре даже приобрело зеленоватый оттенок.

– Это ведьма скачет сюда на своей адской лошади! – выкрикнул Бертран.

– Она направляется сюда! – замогильным голосом подтвердил Дюран.

Вскоре Грегуар убедился, что у солдат были все основания для страха. По дороге на всадников с диким ржанием неслась вороная лошадь, в седле которой сидела пронзительно визжавшая крупная чёрная кошка с горящими жёлтыми глазами.

Грегуар вздрогнул, сердце ёкнуло, ноги обмякли.

Раздался душераздирающий человеческий крик, перешедший в протяжный вой – это волчьи взвыл падре Антонио. Дюран и Бертран в ужасе застыли. Лишь сержант не растерялся и вступил в схватку с ведьмой-оборотнем. Он выхватил меч из ножен и стал ждать приближавшуюся к нему истошно мяукающую жуткую всадницу. Однако Томас не смог сразить чёрную кошку – он промахнулся, рубанув мечом по воздуху. Лошадь под сержантом встала на дыбы, испугавшись пронёсшейся мимо вороной лошади с визжащей наездницей в седле. Потеряв равновесие, Томас выпал из седла, ударился головой о лежащий на дороге камень и замер. Рядом с ним рухнула его лошадь, зацепившаяся ногой за выступавший из земли корень. Она хрипела и не могла подняться.

Лошади под падре Антонио, Дюраном и Бертраном тоже шарахнулись в сторону. А жуткая вороная лошадь, скаля зубы и брызгая слюной, громко заржала, свернула с дороги и принялась петлять по роще. Лошадь обезумела от боли – когтистая всадница вцепилась ей в спину острыми когтями.

– Сгинь, нечисть! – крикнул падре Антонио вслед демоническим силам.

Словно подчиняясь силе слов священника, исчадие ада сначала пропало из виду, скрывшись за деревьями, а вскоре стихли ужасные звуки – дикое лошадиное ржание и пронзительный кошачий визг.

– Вот как следует обращаться с бесами! – дрогнувшим голосом произнёс падре Антонио.

– Это была ведьма! Теперь её увидел и падре Антонио, – сказал Бертран.

– Как быстро она превратилась в кошку! Так ловко, как эта девчонка, пожалуй, даже опытные колдуны и ведьмы не могут оборачиваться в животных, – отметил Дюран.

– Этого я не знаю. Я с колдунами не знаком, – испуганно взглянув на падре, сказал Бертран.

Однако священнику было не до того, чтобы прислушиваться к разговору солдат. Он был потрясён – ему впервые в жизни пришлось столкнуться с настоящими демоническими силами. Немного придя в себя, падре посмотрел на неподвижно лежавшего на спине Томаса и потребовал:

– Бертран! Дюран! Поднимите сержанта и приведите его в чувство.

Солдаты спешили и склонились над Томасом. Через некоторое время Бертран повернулся к падре Антонио и растерянно проговорил:

– Он не дышит. Ведьма его убила.

– Он не дышит и молчит, – добавил Дюран и, приподняв руку сержанта, тут же её отпустил.

Рука Томаса безвольно упала.

– Он точно не дышит? – переспросил священник.

– Точно. Преставился наш Томас, – подтвердил Бертран и тихо произнёс:

– Теперь, наверно, сержантом сделают меня или Дюрана.

– Что это сержант вздумал помереть на ровном месте? Неужели он впервые падает с лошади? – удивился падре Антонио.

– Видимо, ведьма дыхла на нашего бедного сержанта могильным холодом и забрала его жизнь, – предположил Бертран.

– Кажется, лошадь сержанта сильно подвернула или даже сломала ногу почти на ровном месте. Похоже, она больше не поднимется. Это всё проделки ведьмы, – сказал Дюран.

- Это плохой знак, – добавил Бертран.
- И что же вы встали? Живо в погоню! – приказал священник.
- За кем? – задал вопрос Бертран.
- За ведьмой! – брызгая слюной, вскричал падре.
- Зачем? – спросил Бертран.
- Ты издеваешься? Сейчас же схватить мерзавку! – закричал священник.
- Святой отец, так кого нам надо схватить – чёрную кошку или саму ведьму? – спросил Дюран.
- Да. Что же нам теперь надлежит сделать? – поинтересовался Бертран.
- Конечно, надо схватить ведьму. То есть в настоящий момент, надо поймать кошку! – завопил падре Антонио. – Мы её потом сожжём на костре.
- Кого? Кошку? – снова не понял Дюран.
- Судя по всему, солдаты плохо соображали, поскольку каждый из них думал, кого из них теперь сделают сержантом.
- Да ведьму надо схватить! – проревел падре Антонио.
- Может, лучше её заберёт к себе чёрт? Зачем она вам нужна? – почесав затылок, спросил Бертран.
- Я вам щедро заплачу, если будете меня слушаться, бездельники! – вскричал побагровевший от негодования священник.
- Мы солдаты, и должны воевать с ратниками на поле боя, а не с дикими кошками-оборотнями, – гордо произнёс Дюран.
- Дюран говорит верно. Мы не должны воевать с ведьмами. Оборотни и ведьмы – это уже по вашей части, падре, – нагло заявил Бертран. – Можете её сами преследовать сколько угодно.
- Если вы сейчас же не отправитесь в погоню за ведьмой, вас ожидает жестокая кара! – закричал падре.
- Неужели, кара небесная? – поинтересовался Бертран и испуганно заморгал.
- Сначала вас постигнет земная кара. Страшно даже подумать о таком грехе – вы отказываетесь преследовать ведьму! Да вы оба – пособники нечистой силы! Помяните моё слово – ни один из вас не станет сержантом. Вы оба скоро сгорите на костре! – разозлившись, воскликнул падре Антонио.
- После этих слов оба солдата переглянулись, а потом, нахмурившись, одновременно сердито посмотрели на священника. Падре Антонио насторожился. В роще не было никого, кроме самого священника и двух солдат, которые с ненавистью смотрели на него. Священник задумался. Поняв, что запугать солдат не удастся, он решил смягчить свои речи.
- Впрочем, я могу отметить вашу старательность перед влиятельными лицами. Тогда вас ожидает повышение по службе, – пообещал падре Антонио.
- И нам не придётся при этом отлавливать чёрную кошку? – спросил Бертран.
- Пусть Господь покарает ведьму! – произнёс падре Антонио.
- Вот это верно! – обрадовался Дюран.
- Давно бы так! – сказал Бертран.
- Только мне будет нелегко придумать причину, почему мы упустили молодую ведьму, – грустно проговорил падре Антонио. – Ведь мне придётся что-то объяснить папскому легату Пьеру де Кастельно и аббату Арнольду.
- А вы скажите им, что мы с Дюраном её убили и закопали в землю, – предложил Бертран.
- Мы не должны были её закапывать. Наша задача состояла в том, чтобы доставить её в фонфруадское аббатство, а потом ей предстоял долгий путь. Только в крайнем случае, мы могли её убить, – сказал священник.
- Тогда можно сказать, что она, к примеру, утонула в реке, – придумал Дюран.

– Девушка, живущая в деревне Сомбре, на берегу реки, и не умеет плавать? Так мне не удастся обмануть мудрого легата, – покачал головой священник.

– Сегодня река была бурная после проливного ночного дождя, – заметил Бертран.

– А ведь я должен был привезти эту рыбку к папскому легату, а тот должен был её доставить к столу самого Папы, который мечтал о плотвичке из Сомбре, – пробормотал падре.

– Зачем самому Папе понадобилась эта ведьма? – изумился Бертран.

– Есть подозрение, что в той маленькой рыбацкой деревушке живут потомки одного из рыбаков, которым Спаситель явил чудо на озере в Галилее, – сказал священник.

При этих словах Бертран и Дюран истово перекрестились.

– Неужели там проживают потомки одного из апостолов? – спросил потрясённый Дюран.

– Нет. По моим сведениям, всё это выдумки, – заявил падре Антонио. – Однако катары верят в эту небылицу. К сожалению, почти все, за редким исключением, жители Сомбре – катары. Папа Иннокентий заинтересовался потомками человека по имени Итамар, который в давние времена вместе с другими рыбаками ловил рыбу на озере в Галилее и, по мнению некоторых катаров, встречался со Спасителем. Потомки этого рыбака, по нашим сведениям, проживают в Сомбре. Папа собирается узнать, где находится рукопись, на которой основаны многие положения учения катаров. Есть подозрение, что ею владеют потомки Итамара, – сказал падре Антонио.

– Выходит, в Сомбре проживают потомки рыбака, который видел собственными глазами Спасителя! – воскликнул Бертран.

– Подумать только! Потомки такого великого человека стали еретиками. Ведь Итамар, наверно, был апостолом, – сказал Дюран.

– Не все, кто видел своими глазами Спасителя, стали апостолами. Многие даже предали его. Вспомните того же Иуду из Кариота. Не так ужасно, что в Сомбре живут потомки-катары рыбака из Галилеи, намного хуже, что эти еретики почитают этого своего предка одним из апостолов. Вот вы когда-нибудь слышали об апостоле Итамаре? – спросил падре Антонио.

– Никогда! – ответил Бертран.

– Я не помню всех имён апостолов, но Итамара среди них, кажется, не было, – пожав плечами, сказал Дюран.

– Что ж, это говорит о том, что вы оба благочестивые католики, – с довольным видом произнёс священник.

– Это из-за того, что я не помню всех имён апостолов? – удивился Дюран.

– Это потому что вы не знаете никакого апостола Итамара. А ведь в эту выдумку катаров многие верят. Если и был некий Итамар, то это был первый еретик на земле! – воскликнул падре Антонио.

– Так ведь и теперь каждый Совершенный катар мнит себя апостолом. Совершенные так себя и называют, – сказал Бертран.

– О том, что мы пытались схватить ведьму, предком которой был Итамар – рыбак из Галилеи, никому – ни слова! Я и так вам рассказал слишком много, – предупредил падре Антонио.

– Мы будем молчать, – пообещал Бертран.

– А где остальные солдаты, которые прибыли с нами в Сомбре? – поинтересовался Дюран.

– Я уже отправил их назад, в Нарбонну, поскольку решил, что вы втрём, вместе с Томасом, сможете догнать и справиться с этой девчонкой, – сказал падре.

– Кто же знал, что она окажется ведьмой? – сказал Бертран.

– Давайте меньше говорить. Надо как можно скорее убираться из этой треклятой рощи, – предложил Дюран.

– Хорошо, – согласился падре Антонио. – Сейчас мы направимся в фонфруадское аббатство. Только сначала прикончите лошадь Томаса, чтобы не мучилась.

Бертран подошёл к лежавшей лошади. Стараясь не смотреть ей в глаза, он перерезал мечом горло несчастной кобыле.

– А что делать с сержантом? – спросил Дюран.

– Тело сержанта надо забрать с собой и похоронить, – сказал падре Антонио, отправляясь в путь.

Дюран закинул тело Томаса на свою лошадь и, вскочив в седло, поехал по дороге за священником.

– Подождите меня! – закричал Бертран, вытирая окровавленный меч о траву. – Ведь ведьма всё ещё скачет по роще! Слышите? Издалека доносится ржание и кошачий визг.

Бертран забрался на свою лошадь и, испуганно оглядываясь, поспешил вслед за падре Антонио и Дюраном.

Грегуар дождался, когда всадники удалятся, и вышел из-за дерева. Тут он услышал ржание и истошное мяуканье. Адская всадница приближалась. У юноши руки и ноги стали ватными, и он с трудом смог найти в себе силы, чтобы взобраться на дерево и укрыться от ведьмы среди ветвей раскидистого дуба.

Грегуар уселся на толстом нижнем суку и прижался к стволу. Дикое ржание и отчаянное мяуканье то приближалось, то удалялось. Обезумевшая от сидевшей на её спине царапающейся кошки, вороная лошадь, петляя, носилась по роще. Грегуару было страшно и, в то же время, любопытно. Ему хотелось снова увидеть порождение тёмных сил – чёрную кошку, скакавшую на вороной лошади.

Наконец, вороная лошадь с сидевшей в седле визжащей кошкой проскакала мимо дуба, на котором укрылся Грегуар. В этот момент кошка спрыгнула с лошади и метнулась в заросли кустарника. Лошадь усккала. Юноша спрыгнул на землю и с опаской поглядел на кусты, в которых укрылась крупная чёрная кошка. Однако кошки не было видно. Она перестала истошно мяукать и затаилась.

Грегуар услышал женский голос. Он оглянулся и увидел стоявшую к нему спиной стройную молодую девушку в длинном чёрном платье, которая держала под уздцы вороную лошадь. Незнакомка поглаживала кобылу, стараясь её успокоить.

– Ну что ты так напугалась, Аврора? Ты у меня молодец! Терпишь боль. Вон, как тебе всю спину Бушар исцарапал, – ласково говорила темноволосая девушка.

«Это она и есть – та самая ведьма! – догадался Грегуар. – Интересно, было бы посмотреть, как она из кошки в девушку обращается».

Грегуар уже не боялся молодой ведьмы. Её мягкий воркующий голос заворожил его. Юноша без опаски подошёл сзади к девушке и кашлянул. Незнакомка вздрогнула и резко оглянулась. Грегуар увидел её лицо. У девушки был аккуратный тонкий нос и красивые, в меру пухлые, губы. Её большие живые синие глаза настороженно и внимательно смотрели на него. Из-под чёрного чепца выбивались тёмные кудрявые локоны, спадающие на высокий лоб.

«Её глаза – словно синее осеннее небо над зелёными холмами Монтэгле», – подумал Грегуар.

Тут он заметил, что девушка взялась за рукоять ножа. Юноша перехватил её руку, не позволив ей выхватить нож из ножен висевших на ремне.

– Зачем хватаешься за нож, красавица? – спросил Грегуар.

– Чтобы защитить себя. Не смей меня трогать! – воскликнула девушка и попыталась вырвать руку.

У неё это не получилось и тогда она, извернувшись, укусила юношу за руку. Грегуар вскрикнул и отпустил девушку. Незнакомка тут же выхватила длинный нож и приставила его к горлу юноши.

– Кто ты такой? – спросила она.

– Я путник. А вот ты, в самом деле, ведьма! Ты шипишь, словно дикая кошка. Убери нож! – потребовал Грегуар.

– И не подумаю! Если ты сейчас же не скажешь, кто ты, я продырявлю тебе горло, – предупредила девушка.

– Меня зовут Грегуар. Я – сын Жиральда, винодела из Монтэгле. Слышала о такой деревне?

– Нет. Где она находится? – спросила девушка.

– В верховьях Оды.

– Ты мне не врешь?

– Мне нет смысла тебе лгать, – проговорил Грегуар и снова попросил:

– Убери нож.

– Ни за что! Стой на месте. Если ты только дёрнешься, я перережу тебе горло. Рассказывай, как ты здесь оказался?

– Я приплыл по реке. Вернее, я прыгнул в реку, чтобы скрыться от солдат, которых в наш дом привёл падре Себастьян. Они собирались меня убить или схватить. Возможно, солдаты пришли за моим старшим братом и его другом, которые гостили у нас. Ведь мой брат со своим другом – катары. Хотя не могу понять, разве в Окистании быть катаром – это преступление?

– Похоже, так оно и есть. Ты сказал, что плыл по реке, а одежда на тебе сухая. И волосы тоже, – подозрительно спросила девушка.

– Одежда уже высохла. Я выбрался из реки давно, ещё утром.

– Так тебя хотели схватить папские солдаты? – прищутив глаза, спросила девушка.

– Скорее всего, это действительно были солдаты Папы.

– Значит, падре Себастьян творит в Монтэгле такие же гнусные дела, что и падре Антонио в наших краях, который объявил меня ведьмой.

– А разве ты не ведьма? – спросил Грегуар.

– Нет. Я не умею колдовать.

– Как же ты оборотилась в чёрную кошку?

Девушка звонко рассмеялась и отвела нож от горла Грегуара.

– Я поняла, что мне не следует тебя опасаться, потому что за тобой так же, как и за мной, охотятся папские солдаты, – сказала синеглазая красавица. – Но какой же ты глупый! Удивительно, как ты смог сбежать от солдат и перехитрить падре Себастьяна.

Грегуар решил не обижаться на девушку.

– Возможно, я глупец, но я не могу понять, откуда взялась чёрная кошка, которая скакала на твоей лошади? – поинтересовался юноша.

– Я решила припугнуть своих преследователей. Ведь, всё равно, падре Антонио уже объявил меня ведьмой. Ты наверно знаешь, какие испытания придумали инквизиторы, чтобы выявить ведьму. Иногда они при помощи воды узнают – ведьма перед ними или обычная женщина. Если связанная женщина утонет в реке – значит, она не была ведьмой. А если река не примет несчастную, то женщина – ведьма. Тогда её должны сжечь на костре или повесить. Позавчера падре с двадцатью солдатами появился в Сомбре. Он велел солдатам собрать всех жителей в центре деревни. Почему-то падре Антонио искал именно меня и моего деда. К счастью, мы с дедом в это время уехали в Ольне, чтобы обменять пару мешков вяленой рыбы на покрывало, сшитое из козых шкур. Священник наговорил про меня всякие ужасы и требовал, чтобы жители Сомбре выдали меня и дедушку. Однако наши односельчане не сказали падре, куда мы уехали. В нашей деревне живут только катары. Мы не выдаём своих единоверцев. В Сомбре нет ни одного католика, – с гордостью произнесла девушка.

– А у нас в Монтэгле все жители – католики.

– В соседней деревне, в Ольне, тоже живут католики. В основном, они виноградари и виноделы.

– А в вашей деревне кто живёт? Чем вы занимаетесь?

– Рыбаки и ткачи. Некоторые жители шьют сандалии. У нас в деревне есть свой лекарь. Виноград мы тоже выращиваем, но вина из него делаем мало. Вино мы пьём разбавленным, когда заболеем, а иногда угощаем им зашедших к нам путников. Виноград мы обычно сушим или делаем из него сок. Мы не едим мяса, а поэтому не держим птицу, коз, овец, свиней и коров. Правда, в нашей деревне есть один человек, который держит кур и коз. Но он не католик. У него иная вера.

– Чуть выше по течению Оды я видел холмы, поросшие виноградниками, но не заметил поблизости жилья. Потому-то я и пошёл в сторону далёкой деревушки возле реки, которую разглядел с вершины холма.

– Немного выше по течению реки есть несколько селений, но они скрыты за холмами и все утопают в зелени. Вот ты их и не заметил. А сейчас мы с тобой стоим возле дороги, которая ведёт к моей деревне.

– Я назвал своё имя, а как звать тебя, не знаю.

– Зачем тебе знать моё имя? – подозрительно взглянув на Грегуара, спросила девушка.

– У тебя должно быть красивое имя – такое же красивое, как и ты сама.

– Не подлизывайся, сын винодела! Впрочем, меня зовут Вероникой.

– Я угадал! – воскликнул Грегуар и улыбнулся. – У тебя и имя прекрасное.

– А вот твоё имя не ласкает слух, – честно призналась Вероника. – Почему тебя не называли, к примеру, Грегори?

– Такое имя я получил при крещении. Я к нему привык.

– Можно я тебя буду называть Грегори? В наших краях чаще можно встретить мужчин с именем Грегори.

– Называй меня Грегори, – согласился Грегуар и попросил:

– Продолжи свой рассказ.

– Сегодня падре Антонио с солдатами снова нагрянул в нашу деревню. Деда дома не было. Река после грозы и ливня разлилась и бурлила. Вода в ней стала мутная. Рыбу в ней было ловить несподручно, и дед вместе с другими рыбаками отправился на дальнее озеро.

– Представь, я прыгнул в эту холодную бурлящую реку, спасаясь от непрошенных гостей, и проплыл по ней очень далеко, – сказал Грегуар.

– Значит, ты бесстрашный, Грегори? – с спросила девушка.

– Я не из пугливых.

– А теперь скажи мне честно, ты испугался, когда моя Аврора носилась по роще с необычным седоком?

– Испугался, – смутился Грегуар. – Я укрылся за деревом и оттуда видел солдат, падре и вороную лошадь с кошкой в седле.

– Ловко я придумала? Наверняка солдаты больше тебя испугались.

– Это верно. Да и падре Антонио тоже пережил неприятные мгновения, когда мимо него на вороной лошади проскакала чёрная кошка. Сержанта лошадь сбросила наземь, и он ударился головой о камень и умер. Его лошадь, видно, тоже испугалась.

– А ты случайно не слышал, что говорили про меня солдаты и священник?

– Кое-что слышал. Падре говорил, что к столу Римского Папы надо подать плотвичку.

– Вот как! Выходит, маленькая рыбка потребовалась самому Папе, – проговорила девушка и задумалась.

– Почему ты молчишь? – спросил Грегуар. – Ты знаешь, о какой рыбке идёт речь?

– Кажется, я догадываюсь. И для меня это плохо, – сказала Вероника.

– Уж не о тебе ли шла речь?

– Возможно.

– Скажи, откуда взялась та чёрная кошка?

– Это не кошка, а мой кот Бушар. Ты, кстати, не видел, куда он подевался? Вообще-то Бушар у меня умный. Он должен сам вернуться домой. Только он, наверно, и сам немало перепугался. Я слышала, как он истошно мяукал.

– Ты усадила кота в седло?

– Ты догадлив, Грегори.

– Так ты удирали от солдат вместе с котом? Сначала я его не заметил. Как это у тебя получилось?

– Как только в наш дом постучали незваные гости, я сразу же смекнула, что надо удирасть. Ничего хорошего от прихода падре Антонио и солдат я не ожидала. Они не собирались поднимать шум, поэтому не стали выламывать дверь. Пока солдаты толкались возле двери, пытаюсь её открыть, я выбралась в окно с другой стороны дома, прокралась в сарай и уже собиралась вскочить в седло и на Авроре ускакать из деревни, как заметила мирно дремавшего на сене Бушара. Я решила забрать кота с собой. Ведь я не знала, насколько времени я отлучаюсь из дома и не хотела расставаться со своим Бушаром. Я осторожно выехала на Авроре из сарая, усадив кота перед собой. Очутившись на лошади, Бушар цепко вцепился в моё платье когтями. Падре Антонио отрядил трёх солдат в погоню за мной. Когда я оторвалась от преследователей, мне пришла в голову мысль усадить кота на Аврору, привязать его ремнём к седлу и тут же пустить лошадь на солдат. Когда я хлестнула прутиком Аврору, и она поскакала в обратную сторону, на солдат, кот вцепился когтями ей в спину и в седло. Мой бесстрашный Бушар понёсся в атаку на папских солдат, а я укрылась за деревьями. Так Бушар и скакал на Авроре по дубраве. А потом ремень развязался и кот спрыгнул с лошади. Аврора тоже теперь напугана. У неё остались глубокие царапины от когтей. Я виновата перед ней, – рассказывала Вероника, не переставая гладить лошадь. – Обычно Бушар очень спокойный. Даже мышей он ловит, хотя и ловко, но с ленцой.

– Ничего себе – спокойный! – удивился Грегуар. – Да он так голосил на всю рощу, словно завывала стая голодных волков.

– Это из-за того, что он сам испугался.

– Как же твой чёрный кот был страшен, когда скакал на вороной лошади! – снова вспомнил Грегуар.

– Выходит, моя задумка удалась на славу! – улыбнулась Вероника. – Это было так здорово! Жаль, что в тот момент я не видела лица падре и солдат.

– Да. Лица у солдат стали белее снега, а у падре лицо вытянулось и даже позеленело, словно гороховый стручок. Впрочем, я и сам онемел от ужаса, – сказал Грегуар, и они оба весело рассмеялись.

Потом Вероника снова вспомнила о коте.

– Где же, всё-таки, Бушар? – спросила она и позвала:

– Кис-кис! Иди ко мне, мой котик!

Однако кот никак не отреагировал на голос хозяйки.

– Наверно он обиделся, – предположил Грегуар.

– Ладно. Когда он сам вернётся домой, я дам ему большую миску молока, – пообещала Вероника.

– А ты сама вернёшься в деревню?

– Хочу вернуться.

– А как же солдаты?

– Сначала спрошу у людей, работающих в поле возле Сомбре, есть ли в деревне солдаты, и, если их нет, вернусь домой.

– А если на поле никого не окажется?

– Так не бывает. Мы, катары, трудолюбивые люди. Несколько человек всегда днём работают в поле.

– В следующий раз падре Антонио может привести ещё более многочисленный отряд в твою деревню, – предположил Грегуар.

– Я не боюсь их. Я снова сумею от них ускользнуть. И вообще, скоро папские солдаты не смогут безнаказанно хозяйничать на нашей земле. У катаров появились защитники. Ты слышал о Стражах Мира?

– Ничего не слышал, – вспомнив просьбу старшего брата, соврал Грегуар.

– Так вот, теперь у нас появились защитники. Ведь простой катар не имеет права никого убивать. Однако появились люди, которые считают своим долгом защищать катаров. При этом они допускают даже убийство.

– Ты думаешь, это правильно?

– Нет. Убивать нельзя, как говорит мой дедушка. Но ведь католики порой убивают невинных людей.

– Я слышал, что вы, катары, не едите мясо животных.

– Мы едим рыбу, хлеб, овощи, грибы.

– Возможно, во всём остальном вы, катары, правы, но вы заблуждаетесь, когда отказываетесь от мяса и лишь изредка пьёте разбавленное вино.

– Ты так говоришь, потому что твой отец – винодел.

– Если вам, катарам, а, вернее, вашим защитникам, и суждено уступить католикам, то только по этой причине. Без мяса мужчина не сможет крепко держать в руках меч и быстро соображать, а женщине нелегко выносить в своём чреве крепкого ребёнка. Хорошее же, неразбавленное вино тоже придаёт силы и укрепляет дух. Мой отец говорит, что человек, который ест мясо и пьёт доброе вино, становится сильнее и умнее, – убеждённо произнёс Грегуар.

– Но ведь столько поколений наших предков исповедует веру в Великого Учителя на основании основных постулатов из евангелия от Иоанна и апостольского рассказа Итамара, и до сих пор никто из жителей Сомбре не родился слабым или глупым. Неужели ты думаешь, что если я не ем мясо, то я слабосильная дурочка? – поджав губы, обиженно возразила Вероника.

– Я не имел в виду тебя. Ты, как раз, очень сообразительная, – стал оправдываться Грегуар.

– Ты мало знаешь о нашей вере, и потому не суди нас, – сказала Вероника. – Ведь вы, католики, привыкли судить других людей, не замечая своих недостатков. Вы называете нас еретиками, считая, что именно ваше понимание веры правильное. Но так ли это на самом деле? Покупая индульгенции, вы полагаете, будто искупаете свои грехи. Вы постоянно нарушаете заповеди Великого Учителя, одна из которых гласит: «Не убий!», – с жаром произнесла Вероника.

– Тем не менее, твоя вера не помешала тебе напустить твоего жуткого котяру на солдат. После этого, пусть и случайно, но преследовавший тебя сержант погиб. Признайся, ты была этому рада?

– Да, – опустив голову, произнесла девушка.

– К тому же, тебе ведь приятно осознавать, что за вас могут постоять Стражи Мира и тем самым спасти и вас, и вашу веру, – заметил Грегуар.

– Это так, – призналась Вероника. – Дедушка говорит, что человек несовершенен.

– Вот именно! Поэтому и ты тоже не суди католиков! – воскликнул юноша.

– Оставим этот разговор, Грегори, – смягчилась Вероника. – Ты же не виноват, что стал католиком. Ведь тебя крестили несмышлёным младенцем и не оставили тебе выбора.

– Это правда – выбора у меня не было. Вообще-то моя мать происходит из катарской семьи. Католичество она приняла из-за того, что полюбила моего отца.

– Куда ты теперь пойдёшь? Вернёшься домой? – спросила Вероника.

– Назад мне возвращаться опасно. Хотя, мне хочется узнать, что случилось с моими родными.

– Солдаты могли схватить твоих родных?

– Вряд ли. Мой отец хорошо известен за пределами Монтэгле. Сам граф Тулузский покупает у него вино. Думаю, моих родителей падре Себастьян не посмеет тронуть. А если папские солдаты арестуют моего старшего брата, отец наверняка обратится за помощью к графу Тулузскому, и моего брата вскоре освободят.

– Неужели ты всерьёз полагаешь, будто Раймунд Тулузский сам не дрожит при виде папских инквизиторов и солдат? – спросила Вероника.

– Не думаю. Насколько я слышал, он собирается объединиться с королём Арагона, и тогда жителям Окситании никакие инквизиторы будут не страшны. В этом случае...

– Хватит болтать, Грегори! – Вероника оборвала юношу. – Лучше скорее решай: ты направляешься со мной в Сомбре или возвращаешься в Монтэгле. А, может, ты думаешь навсегда остаться в роще, про которую теперь пойдёт молва, будто в ней хозяйничает ведьма, обращающаяся в кошку?

– Я отправлюсь с тобой, – решил Грегуар.

– Тогда садись впереди меня на лошадь, – предложила Вероника.

– Нет уж, я не собираюсь занимать место твоего кота. Я сяду позади тебя и возьму в руки поводья. Всё-таки, я настоящий мужчина.

– Что ж, настоящий мужчина, поехали! – сказала Вероника.

Грегуар запрыгнул в седло и, подав руку девушке, помог ей сесть перед собой.

– Куда ехать? – спросил Грегуар.

– Прямо по дороге. Но, если услышишь впереди топот копыт или голоса, сразу съезжай в лес. Осторожность не помешает. Поезжай не спеша. Надеюсь, к нашему приезду, папские солдаты уже покинут Сомбре.

Юноша натянул поводья, и Аврора, опустив голову, медленно пошла по дороге. Они выехали из дубравы и поднялись на высокий холм. Впереди, за низкими холмами, поросшими оливковыми рощами и виноградниками, показались белые дома под красными крышами, утопавшие в розовато-белом яблонево-м цвету.

Грегуар испытывал восторг – ведь рядом с ним была прекрасная девушка. У него часто затрепетало сердце. Он не удержался и прошептал на ушко Веронике:

– Ты самая прекрасная ведьма в мире!

– Только не прижимайся ко мне. И не вздумай ухаживать за мной, когда доберёмся до Сомбре, – попросила Вероника. – По крайней мере, не делай этого при людях. В нашей деревне это осуждается.

– Хорошо, я не стану ухаживать за тобой при людях, – проговорил Грегуар и нежно, едва заметно, поцеловал её в ушко. – Я слышал, что среди жителей Окситании много талантливых трубадуров и поэтов. Уж не такие ли красавицы, как ты, вдохновляют их на чудесные песни? Уж не из-за таких ли прекрасных окситанок, как ты, теряют головы поэты?

Вероника повернула голову и улыбнулась Грегуару.

Они выехали на равнину, и виноградники на зелёных холмах остались позади. По обе стороны дороги зеленели всходы, которые окучивали мотыгами женщины в чёрных платьях.

– Кажется, скоро мы доберёмся до твоей деревни, если только в той оливковой рощице, что лежит на нашем пути, не спрятались солдаты и падре Антонио, – заметил Грегуар.

– Оливковая роща невелика. В ней невозможно укрыться всадникам, – сказала Вероника. – Это не то, что лес, начинающийся за нашей деревней.

Она помахала рукой работавшим женщинам и спросила:

– Нет ли в деревне папских солдат?

– Нет. Все солдаты уже покинули Сомбре, – отозвалась одна из женщин.

Глава 3. Признание старого катара

Грегуар и Вероника въехали в деревню. Местные жители встретили их настороженно. Насколько празднично выглядели белые дома под красными черепичными крышами, настолько мрачными казались жители Сомбре, которые носили чёрную одежду. Мужчины были одеты в чёрные рубахи и штаны, а на женщинах были длинные чёрные платья. Грегуар выделялся среди местных жителей своей белой, пусть и перепачканной грязью, рубахой и серыми штанами.

– Кажется, на меня все смотрят, как на чужака, – заметил Грегуар.

– Так ведь ты на самом деле чужак и одет непривычно для катара, – сказала Вероника.

Тут из-за угла небольшого дома, расположенного в яблоневом саду, окружённого плетнём, на котором сушилась рыболовная сеть, показался высокий седовласый синеглазый старик с густой бородой в просторном чёрном балахоне. Юноша остановил лошадь. Вероника спрыгнула на землю.

– Здравствуй, дедушка! – подбежав к вышедшему за калитку старику, весело сказала Вероника.

– Куда же ты пропала? – спросил старик. – Я переживал за тебя.

– Мне пришлось бежать из деревни от папских солдат. Мне удалось их провести. Как видишь, я вернулась живой и здоровой.

– И вернулась ты не одна, – сказал дедушка, придиричиво осматривая Грегуара. – Этот юноша уже сидит на нашей Авроре, словно на своей лошади.

– Это мой друг. Он бежал от папских солдат из своего дома в Монтэгле, – сказала Вероника. – Знакомься, Грегори, – это мой дедушка Мартин.

– Я недавно вернулся с озера, смотрю, а двери везде распахнуты – и в доме, и в сарае. И нигде нет ни тебя, ни лошади. Соседи потом рассказали, что видели, как ты ускакала на Авроре. Я уже испугался, что тебя, как и Оливию, похитили солдаты, – тяжело вздохнув, сказал старик.

– Кто такая Оливия? – поинтересовался Грегуар.

– Моя старшая сестра. Недавно её схватили солдаты, когда она работала в поле. Её увезли в неизвестном направлении, – ответила Вероника.

– Вы пытались её искать? – спросил Грегуар.

– Пытались, но безуспешно, – ответила Вероника. – Мы верим, что Оливия жива, и надемся её спасти.

– Про некую Оливию вчера рассказывал мой старший брат, который недавно стал катаром, – вспомнил Грегуар. – Жером говорил, что она находится в заточении, а к её похищению причастен падре Себастьян – наш новый кюре.

– Тот молодой человек по имени Жером, который несколько дней укрывался у нас, не твой ли старший брат? – спросила Вероника.

– Возможно, это он, – кивнул Грегуар.

– Тот юноша похож на тебя, Грегори, – заметил Мартин. – Сейчас я начинаю припоминать и того высокого худощавого падре, который недавно пытался заигрывать с моей старшей внучкой. Вот же ведь повадились эти падре в наши края! Не к добру это.

– Да, раньше такого не было, – заметила Вероника. – Мы жили спокойно. Какое им дело до нас? Ведь мы никому не мешаем.

– В роце я подслушал, как падре Антонио говорил о некоем Итамаре. Вероника, ведь ты тоже упоминала о нём, – вспомнил Грегуар.

– Хватит разговаривать. Лучше проходите в дом, – предложил старик, который, как понял Грегуар, не хотел продолжать беседу об Итамаре.

Грегуар спрыгнул с лошади, которую Вероника тут же привязала к коновязи. Хозяева и гость прошли в дом, внутри которого была скромная обстановка – стол, две скамьи, три лежанки и небольшой ткацкий станок.

– Накорми гостя, внученька. У нас сегодня много рыбы. Приготовь жареную щуку, – сказал старый Мартин.

Вероника вышла из дома.

– Присаживайся, Грегори! – усаживаясь за стол, сказал старик.

Юноша сел на скамью напротив старика.

– Вот ведь, как получилось – я сегодня много поймал рыбы, да свою младшую внучку едва не потерял, – грустно произнёс старик.

– Вам надо быть осторожными. Я стал свидетелем, как по наущению падре Антонио солдаты пытались схватить Веронику. Возможно, католики из Ольне наговорили этому священнику на вашу внучку, будто она ведьма, – предположил Грегуар.

– Этого не может быть! – воскликнул старик. – Жители Ольне наши добрые соседи. Они уважают катаров и даже иногда приглашают меня и других стариков-катаров для разрешения споров.

– Откуда взялся падре Антонио?

– Не знаю. В округе нет католических храмов. Католики из Ольне ездят на службу в ближайший небольшой городок. Какая разница, откуда прибыл этот священник? Главное, что ему не удалось схватить Веронику.

– Ваша внучка ловко провела падре Антонио и солдат. Она усадила на спину лошади своего кота и привязала его к седлу. Её преследователи решили, будто в обличье чёрного кота на лошади их преследует ведьма. Они решили, будто это был не кот, а кошка, в которую обернулась Вероника. А потом коту удалось спрыгнуть с лошади, и он скрылся в кустах.

– То-то я думаю, куда это наш Бушар подевался?

– Было жутко смотреть на вороную лошадь, скакавшую по роще с истошно визжащим чёрным котом на спине. Сначала и я подумал, будто это не кот, а ведьма-оборотень скачет на лошади. Сообразительная у вас внучка!

Грегуар думал, что старик сейчас засмеётся, услышав его рассказ, однако Мартин даже не улыбнулся и задумчиво проговорил:

– Плохо, что Антонио обвиняет Веронику, будто она ведьма. Теперь падре и солдаты разнесут молву на всю округу, будто Вероника – ведьма-оборотень. Ведь некоторые люди и впрямь могут так подумать.

Тут за дверью послышалось мяуканье.

– Открой дверь, Грегори! – попросил старик. – Похоже, Бушар вернулся.

Грегуар подошёл к двери и приоткрыл её. Прощмыгнув в приоткрытую дверь, в дом проскользнул сверкавший золотистыми глазами взъерошенный чёрный лобастый кот. Он сразу же метнулся под лавку, стоявшую возле дальней стены, и там затих.

– Наверно, кот тоже натерпелся страха, – заметил Грегуар, вернувшись на место. – Теперь его не вытащить из-под лавки.

– Немножко успокоится, есть захочет и выйдет. Вероника обрадуется, когда узнает, что Бушар вернулся, – сказал Мартин.

– Умный котяра.

– Наш кот хитрый, – отметил старик. – А в наше время мало быть умным, ещё надо быть хитрым.

– И всё-таки, вы не знаете, о каком Итамаре говорил в дубраве падре Антонио? – поинтересовался юноша.

– Наверно, он имел в виду Итамара из Галилеи.

– Кто он, этот Итамар?

– Рыбак, живший в давние времена в Галилее. Я и мои две внучки – Оливия и Вероника – его потомки.

– А что случилось с родителями Оливии и Вероники?

– Десять лет назад они умерли от тяжёлой болезни, которая выкосила треть жителей Сомбре. Тогда же умерла и моя жена. Мне одному пришлось воспитывать внучек.

– Выходит, из-за того, что ваши внучки являются потомками галилейского рыбака Итамара, ими заинтересовался сам Папа Римский? Как шпионы Папы об этом узнали?

– В этом я сам виноват, – сокрушённо покачав головой, сказал Мартин.

Грегуар с удивлением взглянул на старика.

– Ведь я и мои внучки наизусть помним рассказ Итамара о самых важных событиях, происходивших в Палестине в древние времена. Это не простой рассказ – он содержит великое учение, которое Итамар запомнил со слов самого Учителя. Рассказ Итамара подробно передавался его потомками из поколения в поколение, из уст в уста. Ведь в некоторых случаях лучше не доверять перу и бумаге.

– Почему вы так считаете? – спросил Грегуар.

– Бумагу с текстом можно сжечь, а всё, что хранится в памяти, можно уничтожить, лишь умертвив человека. Пока об этом не знали те, кому не положено, мне и моим внукам, ничто не угрожало. Я же совершил роковую оплошность – накликал беду на себя и внучек, когда однажды остановившийся на ночлег философ по имени Персиваль уговорил меня поведать ему рассказ об Итамаре. Он записал короткий рассказ, назвал его евангелием от Итамара и стал распространять среди жителей Окситании. На мою беду на одной из рукописей философ записал, что евангелие от Итамара ему поведал Мартин из Сомбре, то есть, я. Видно, та рукопись попала в руки ревностных католиков. Вот после этого шпионы Папы заинтересовались евангелием от Итамара, а заодно мной и моими внуками. Сам записанный Персивалем текст не особо волнует папских шпионов – его можно объявить подделкой и лжеучением. Папу Иннокентия наверняка интересует подлинник полного евангелия от Итамара. Он собирается отыскать древнюю рукопись и уничтожить её. Ведь ему неизвестно, что никакой рукописи не существует. Я слышал, что католические священники теперь называют апостола Итамара еретиком, а его евангелие – лжеучением. Впрочем, это не первое евангелие, которое отвергает Святая церковь. Я слышал, что из нескольких десятков евангелий выбраны только четыре, а остальные были уничтожены или сокрыты от мирян.

– Уж не тот ли это Персиваль, которого часто принимает у себя в замке граф Раймунд? Так Персиваль побывал у вас в Сомбре? – поинтересовался Грегуар.

– Действительно, он часто бывает при дворе графа Тулузского. Персиваль в тот раз проезжал через нашу деревню вместе с трубадуром Патрисом и старым художником по имени Данье. Все они тогда переночевали в сарае на сене. Эти путники довольно неприспособлены. В тот вечер я долго беседовал с Персивалем. Мы с ним часто встречаемся, когда он, путешествуя, следует через Сомбре.

За разговором Грегуар не заметил, как быстро прошло время. Дверь отворилась, и Вероника внесла на подносе миски с дымящейся ухой, ложки и кружки с водой. Она расставила на столе посуду и села за стол.

Изрядно проголодавшийся юноша стал уминать за обе щеки подёрнутую золотистым жирком уху. Он быстро съел полную миску варева. Хозяйева тоже поели. Почуввав аппетитные запахи, из-под лавки выбрался чёрный кот.

– Бушар! Ты вернулся! – обрадовалась Вероника и с укором спросила деда и Грегуара:

– Что же вы молчали?

– Забыли тебе сказать. Всё уха перебила! Вкусная была! Никогда такой не ел, – признался юноша.

– Бушар, ты самый лучший кот на свете! Пойдём, я угощу тебя рыбьими хвостами, – позвала Вероника кота и вышла из дома. Гордо подняв хвост, Бушар последовал за девушкой.

После плотного обеда Грегуара начал одолевать сон, и он, задремав, едва не свалился со скамьи.

– Ложись-ка ты спать, Грегори, – посоветовал Мартин.

Юноша лёг на лежанку и, скинув рубаху, уснул.

Грегуар проснулся вечером, когда стало смеркаться. На соседней лежанке спал хозяин. Юноша вышел на улицу.

– Выспался? – спросила сидевшая на крыльце Вероника. – Я уже успела постирать твою рубаху. На солнце она быстро высохла.

– Спасибо. Как же сладко я спал! – потянувшись, сказал Грегуар.

– Пойдём к реке, – предложила Вероника.

Они вышли за пределы деревни. У реки, к берегам которой подступали ольховые заросли, было тихо, лишь мерно журчали речные струи.

– Здесь река намного шире, чем возле нашего дома. Тут очень красиво, – сказал Грегуар.

– Я часто сюда прихожу, – сказала Вероника.

Неожиданно для себя, он привлёк её к себе и поцеловал в щёку.

– Не надо, – отстранившись, сказала Вероника.

– Понимаю. У вас, катаров, не принято целоваться?

– Дедушка будет недоволен, если об этом узнает. Пора возвращаться домой, – решила Вероника.

Они направились к деревне. Возле сарая Вероника остановилась и сказала:

– Переночуешь здесь, на сене. В этом сарае часто ночуют странники.

Грегуар приоткрыл дверь и заглянул в сарай. Из темноты послышался громкий всхрип. От неожиданности юноша вздрогнул.

– Не пугайся. Это Аврора, – сказала Вероника.

– Я не боюсь, – сказал Грегуар и шагнул в темноту.

И в этот же момент на него упало что-то тяжёлое и мохнатое. Раздался пронзительный визг. Юноша успел прикрыть лицо локтём и спихнуть с себя визжащее существо.

– Кто это? – спросил перепуганный Грегуар.

– Бушар. Ты его тоже напугал, – засмеялась Вероника.

– Вот же зверюга! – постепенно приходя в себя, проговорил Грегуар.

Скрипучая дверь закрылась. И тут нежные руки Вероники обвили его шею. Голова у него закружилась, он сделал шаг в сторону, обо что-то споткнулся и упал на ворох душистого сена, увлекая за собой Веронику.

– Что ты делаешь, Грегори? – тихо проговорила девушка, когда Грегуар поцеловал её в податливые губы.

Замирая от предчувствия близкого счастья, Грегуар прошептал:

– Я люблю тебя, Вероника!

– Поцелуй меня ещё раз, Грегори! – прошептала Вероника.

В это мгновение Грегуар решил, что очутился в раю...

Грегуар проснулся, когда сквозь щели в стенах сарая стали пробиваться тёплые солнечные лучи. Рядом с ним безмятежно спала Вероника. Юноша с восторгом посмотрел на красавицу. Взгляд его задержался на её левом плече, на котором выделялось коричневое родимое пятно в форме рыбки. Вероника потянулась и, приоткрыв веки, тут же встала. Она стряхнула с платья сухие травинки, вышла из сарая и направилась в дом.

Грегуар почувствовал на себе чей-то взгляд. Он повернул голову и увидел лошадь, осуждающе косившую на него карим глазом. Юноша смутился и вышел на улицу. Навстречу ему из дома выпорхнула Вероника и, с укором взглянув на Грегуара, сказала:

– Хорошо, что дедушка всё ещё спит. Он не знает, где я провела ночь.

– Вероника, я люблю тебя! – воскликнул Грегуар.

– Молчи, грешник!

– Хорошо, я буду молчать, – пообещал юноша. – Надеюсь, нас с тобой не казнят твои односельчане, если узнают, что мы с тобой были вместе?

– Катары никого не станут убивать. Это мой и твой грех, который надо искупить.

– Теперь несколько дней нам нельзя ни есть, ни пить?

– Теперь нам надо каяться перед Господом.

– Согласен. Только можно вечером снова с тобой встретиться?

– Ты страшный грешник и безумец, Грегори!

– Мне сейчас так хорошо, что я готов сочинять стихи или написать картину, – сказал Грегуар.

– Ты умеешь рисовать и сочинять стихи? – удивилась Вероника.

– Немного. Отец несколько лет назад нанял бродячего художника, который всё лето учил меня писать картины.

– Надо же! А у нас гостил художник, который оставил кисти и краски. Оливия пыталась разрисовывать красками холст, но у неё ничего не вышло.

Вероника тяжело вздохнула.

– Ты любишь сестру? – спросил Грегуар.

– Да. Мне страшно за неё.

– Она спасётся. Вот увидишь!

– Я каждый день молюсь за неё... Так тебе принести краски и холст?

– Принеси, – обрадовался Грегуар. – Я хочу написать реку и восход солнца. Мне хочется изобразить виноградники, реку и далёкие холмы.

– Ты рассуждаешь как тот художник, который недавно останавливался у нас. Он тоже изображал на холсте деревья и жителей деревень с мотыгами в руках. Жаль, что свои картины он унёс с собой.

– Как звали того художника?

– Данье. А путешествовавший вместе с ним трубадур Патрис даже посвятил мне стихи, – сказала Вероника.

– Вот как... Я тоже посвящу тебе стихи, – пообещал Грегуар.

– Не переживай! Патрис был влюблён не в меня, – улыбнулась Вероника. – Он вздыхал по Оливии и посвящал ей намного больше стихов, чем мне.

– А ведь Данье и мне давал уроки рисования, – сказал юноша.

На крыльцо вышел Мартин и, прищурившись, посмотрел на поднявшееся над холмами малиновое солнце.

– Как спалось, дедушка? – спросила Вероника.

– Спал, как убитый, – признался старик. – А вы, как гляжу, не выспались, хотя ты, Грегори, и проспал вчера полдня.

– Лошадь в сарае всю ночь всхрапывала над ухом, – соврал Грегори.

– А я всё переживаю за Оливию, поэтому тоже плохо спала, – сказала неправду Вероника.

– Что сегодня будете делать? – спросил старик.

– Ты разве забыл? Ведь мы с тобой собирались сходить на пасеку за лавандовым мёдом, а Грегуар хочет написать картину, – сказала Вероника.

– Я не приветствую это баловство. Художники занимаются ненужным делом, – недовольно проворчал старик. – К тому же мы, катары, не признаём иконы.

– Но я решил написать вовсе не икону, – заметил Грегуар.

– Всё равно. Всё это блажь! – буркнул Мартин.

– Дедушка, Грегори в своё время учился у нашего знакомого Данье, – сообщила Вероника.

– Хорошо, пусть Грегори рисует, – согласился старый катар. – А то я уже подумывал выбросить краски, которые у нас оставил Данье.

– Пройдём за мной, Грегори! – позвала юношу Вероника.

Зайдя в дом, девушка вытащила из-под лежанки небольшой подрамник и маленький сундучок, который выставила на стол. Вероника открыла крышку сундучка – в нём лежали свёрнутые холсты, кисти, шпатель, квасцы и красители в маленьких закупоренных баночках. У Грегуара загорелись глаза.

– Прекрасно! Только мне ещё понадобятся яйца, чистая вода, и уксус, – сказал Грегуар, потирая руки.

– Я сейчас принесу уксус и кувшин с чистой водой, а за яйцами надо сходить к старому Давиду, который живёт на другом конце деревни. Он держит кур и коз. Давид ест курятину, яйца и даже козлятину, – поморщившись, сказала Вероника.

– Он католик?

– Нет. У него своя вера. Он давно поселился в нашей деревне. Старый Давид живёт спокойно, никому не мешает и его никто не обижает. Катары ко всем иноверцам относятся терпимо. Я схожу к нему и принесу несколько яиц.

Вероника выставила на стол кувшин с водой и плошку с уксусом, взяла стоявшую в углу корзину и вышла из дома. Не успел Грегуар рассмотреть разноцветные порошки, находившиеся в баночках, как Вероника вернулась с корзиной, на дне которой лежали яйца.

Вскоре Вероника вместе с дедом отправилась на пасеку.

Юноша приготовил краски, натянул на небольшой подрамник холст, взял кисть и начал писать по памяти картину. Вначале он изобразил на холсте дерево, росшее на берегу реки, и придирчиво посмотрел на своё творение. Грегуар помнил, как писал миниатюры его учитель, и понимал, как ему далеко до мастера Данье. Краски на картине Грегуара были тусклые, и дерево вышло непохожим на то, которое он видел на берегу.

Не завершив работу, Грегуар решил прогуляться и направился к реке. За прибрежным кустарником Грегуар услышал плеск воды и осторожно выглянул из-за ветвей. В реке он увидел купающуюся обнажённую Веронику.

– Как ловко она плавает, словно рыбка, эта милая плотвичка из Сомбре! – прошептал Грегуар.

Обнажённая юная купальщица, плескавшаяся в прозрачной воде, была прекрасна. Грегуар понял, чего не хватало на картинах известных художников – обнажённых юных красавиц. Его учитель Данье тоже никогда не писал их. По крайней мере, Грегуар ни одной такой картины не видел. Тут в висках юноши стали по очереди стучать назойливые молоточки и звенеть нежные колокольчики.

«Грех изображать такое! Тебя накажет Господь!», – грубо стучали молоточки.

«Господь даровал людям красоту и любовь!», – мелодично звенели колокольчики.

«Так никто не делает. Писать картину, на которой изображена купающаяся девушка, нельзя – это страшный грех! Ведь на Веронике нет одежды!», – протестовали молоточки.

«И птицы, и рыбы, и звери не носят одежду. А ведь как красивы парящие в небе птицы, и скачущие по дороге лошади, хотя на них нет и лоскутка одежды!», – ласково трезвонили колокольчики.

«Это запрещено! Тебя потом покарают. И если это сделает не Господь, то католические священники и папские солдаты!», – предупреждали молоточки.

«Всё обойдётся. Если бы карали всех талантливых людей, на Земле прекратилась бы разумная жизнь. Сами священники и солдаты будут втайне любоваться твоим творением», – веселились колокольчики.

«Женское тело греховно уже само по себе, им нельзя восхищаться, тебя осудят не только католики, но даже катары», – бубнили молоточки.

«Твоей картиной станут восхищаться нормальные люди, а благочестивые католики будут пускать слюни от удовольствия!», – игриво смеялись колокольчики.

«Ты сгоришь в аду!», – злились молоточки.

«Спустя века обнажённых женщин будут рисовать великие художники, не страшась угроз церкви и осуждения людей», – сообщили колокольчики.

«Никогда такого не будет!», – возмущались молоточки.

«А вот и будет! И никто этому не станет удивляться», – уверяли колокольчики.

«Даже мыслить об этом не смей! Иначе ты погубишь свою душу!», – угрожали молоточки.

«Ничего не бойся! Ты совершишь благое дело. Другого случая не представится. Пиши картину сейчас!», – настаивали колокольчики.

И тут у Грегуара от восторга перехватило дыхание – он увидел выходящую из воды прекрасную Веронику. Прошедшей ночью он не видел всех изящных линий и завораживающих изгибов её тела. На чистой коже красавицы под солнечными лучами искрились капельки воды. На её левом плече выделялось родимое пятно в форме рыбки.

Грегуар не стал дожидаться, когда Вероника его заметит, и поспешил незаметно отойти подальше от берега реки. Он возвратился в дом, где застал вернувшегося с пасеки старика, который прилёг на лежанку. На столе стоял жбан с золотистым душистым мёдом.

– Грегори, ты не видел Веронику? – спросил старик. – Я вернулся один. Вероника решила искупаться в реке.

– Нет, я её не видел, – снова соврал юноша.

– Отведай мёд! – предложил старик.

– Не хочу.

– Как вижу, ты решил всерьёз заняться рисованием. Весь стол перепачкан красками.

Грегуар стал тряпкой оттирать стол от краски. Тут дверь открылась, и в дом вошла Вероника с мокрыми волосами. Юноша не сводил с неё глаз. Даже теперь, когда на ней было чёрное платье, а голову покрывал чепец, она была прекрасна. Заметив на себе восторженный взгляд Грегуара, Вероника смутилась.

– Как же ты долго купалась, внученька! Я уже стал волноваться. Ещё немного и я послал бы за тобой Грегори, – сказал старик.

– Вода тёплая – видно успела прогреться после непогоды и сильного ливня. Не хотелось выходить на берег, – объяснила Вероника.

– Что ж, я уже отдохнул. Пойду задам овса лошади, – сказал Мартин.

Старик встал с лежанки и вышел из дома. Когда за ним затворилась дверь, Вероника спросила:

– Куда ты ходил, Грегори?

– Вышел немного размяться. Погулял по деревне.

– А картину ты так и не успел нарисовать, хотя холст не такой уж и большой, – сказала Вероника, взглянув на незаконченную работу Грегуара.

– Я её скоро завершу, – пообещал юноша и, улыбнувшись, сказал:

– Ты очень красива.

– Не говори так больше. Так говорить плохо.

– Ладно. Не буду. Скажи, где ты была так долго?

– Я не только купалась. Сначала я молилась в поле. Просила прощения у Господа за то, что совершила сегодня ночью. А ты молился?

- Нет.
- Скверно. Мне кажется, что ты неверующий. Католик ли ты?
- Не говори и не спрашивай сейчас меня об этом. Мне всё равно, кто я.
- Отчего ты так заговорил? – удивилась Вероника.
- После того, как узнал тебя, я стал другим.
- Тебя искушает дьявол.

– Меня возносят на небеса любовь и красота, – возразил Грегуар.

В это время с улицы донеслись мужские голоса.

– Кажется, к нам идут, – сказала Вероника.

– Тут можно где-нибудь спрятаться? – с тревогой спросил Грегуар.

– Прятаться не придётся. Я узнала голоса. Это друзья, – успокоила юношу Вероника.

Дверь распахнулась, и в дом, один за другим, зашли три человека. Самый старший из вошедших – высокий худощавый мужчина с седой бородкой. На нём был серый плащ и надвинутая на глаза войлочная шляпа. На левом плече гостя на лямке висела большая холщовая сумка. Он скинул с плеча сумку и положив её на скамью.

– Добрый день, Вероника! – снимая шляпу, сказал седой мужчина с бородкой.

– Милости просим, уважаемый Данье! Заходите, гости дорогие! – сказала Вероника.

– Мы возвращаемся в Тулузу, полные впечатлений, – сказал человек в сером плаще и, присмотревшись, спросил Веронику:

– А где твоя сестра Оливия?

– Оливию похитили папские солдаты, – грустно сказала Вероника.

– Этого не может быть! Бедная Оливия! Я её отыщу и освобожу! – покрывшись багровыми пятнами, воскликнул светловолосый зеленоглазый юноша в короткой коричневой куртке и узких кожаных штанах, у которого за пояс были заткнуты длинный нож и флейта.

– Спасибо, Патрис, но, похоже, это почти невозможно, – вздохнула Вероника.

– Ради Оливии я готов на всё! – с жаром вскричал Патрис, и выхватил из-за пояса нож.

– Думаю, тебе не стоит хвататься за нож. Я попытаюсь действовать силой слова и воспользуюсь своими связями, – вступил в разговор третий гость – невысокий плотный широкоплечий мужчина лет сорока. Он был одет в красивую синюю куртку, отороченную белым воротником, и ярко-зелёные штаны. На голове у щёголя красовался сиреневый берет с белым пером, из-под которого выбивались золотистые кудри.

– Спасибо тебе, добрый Персиваль! – с благодарностью произнесла Вероника.

– Я обращусь за помощью к графу Тулузскому, – снимая берет, пообещал Персиваль. – Раймунд уважает меня. Он заставит похитителей освободить Оливию. Наверняка её удерживают в одном из монастырей.

– Персиваль, хоть ты и философ, но ты наивен, – заметил Данье. – Да будет тебе известно, граф сам боится папских легатов, которые его постоянно заставляют каяться и требуют прекратить поддерживать катаров. Как только Раймунд узнает, что ты хлопчешь за катарку, то даже тебе он откажет в помощи.

– Раймунд не боится папских легатов! – с жаром воскликнул Персиваль.

– Когда мы ещё были в Тулузе, я слышал, что граф Тулузский просил покаяния у Римского Папы, – сказал Данье.

– Для катаров это очень плохо, – сказал зашедший в дом Мартин.

– Как поживаешь, добрый старик? – спросил его Персиваль.

– У нас беда. Мою старшую внучку похитили, – вздохнув, сказал Мартин.

– Вероника об этом нам уже сказала. Как только я вошёл в дом, сразу увидел на столе краски и холст с незаконченным рисунком. Сначала я подумал, что Оливия пишет картину, – сказал Данье.

– Вот этот юноша нашёл такое занятие, – кивнул на Грегуара старик.

– Так этот молодой человек пишет картины? Пстой! Кажется, тебя зовут Грегуар? Я обучал тебя, – внимательно посмотрев на юношу, вспомнил Данье.

– Да, вы мой учитель, – улыбнувшись, сказал Грегуар.

– Мы расстались, когда ты был шуплым подростком, а теперь ты возмужал. Ты был прилежным учеником. Это твоя картина? – подойдя к столу, спросил художник.

– Моя. Я её ещё не закончил.

– Что ж, посмотрим, чему я тебя научил... Знаешь, Грегуар, у тебя на картине нет движения и жизни. Дерево возле реки мёртвое. Ты рисуешь, как художники-северяне, а не как окситанец! – покачав головой, сказал Данье.

– Этот юноша разве окситанец? – подозрительно присматриваясь к Грегуару, спросил Патрис.

– Я родом из Монтэгле, – сказал Грегуар.

– Я знаю эту деревню. В Монтэгле проживают почти одни католики. С ними не следует иметь никаких дел, – хмуро произнёс Патрис.

– Жители Монтэгле никогда не выдавали ни катаров, ни других еретиков, – обиделся Грегуар.

– Сказать-то ты всякое можешь, католик! – процедил сквозь зубы Патрис.

– Мой старший брат стал катаром! – выпалил Грегуар.

– Неужели ты и теперь скажешь, что жители Монтэгле никого не выдают?! – закричал Патрис. – А сам ты первым встречным выдал родного брата. Нынче о своих родственниках-катарах не следует много говорить. Впрочем, что говорить о таком болтуне, как ты?

– Ты что-то имеешь против меня? – нахмурился Грегуар.

– Я не хочу с тобой разговаривать. Мне просто противно болтать с глупцом, – усмехнулся Патрис.

Тут Грегуар с силой ударил кулаком Патриса в скулу, и тот рухнул на пол.

– Хватайте этого католика! Бейте его! – закричал лежавший на полу Патрис.

– Что ты вопишь, трубадур? Какое тебе дело до того, что он католик? – примирительным тоном произнёс Персиваль, протягивая руку и помогая Патрису подняться.

– И то, правда. Этот католик из Монтэгле – нормальный парень, – похлопав Грегуара по плечу, сказал Данье.

– Что ты к нему прицепился, Патрис? Ведь я тоже католик, хотя и допускаю порой в своих трактатах рассуждения, критикующие католическую церковь и Папу Римского, – сказал Персиваль.

– Пусть он объяснит, что делает здесь, в деревне катаров? – прохрипел Патрис. – Неужели он заглянул сюда лишь для того, чтобы нарисовать на холсте дерево и речку твоими красками, Данье?

– Какая разница, каким образом этот юноша здесь оказался? Но если Мартин и Вероника впустили Грегуара в свой дом, то я не сделаю ему ничего плохого. К тому же, Грегуар – мой ученик, – сказал Данье.

– Не надо ссориться. Лучше давайте отметим нашу встречу, – предложил хозяин. – Мы выйдем из дома, чтобы пообедать под открытым небом. Вероника, принеси нам три кувшина с водой и кувшин с вином. У нас от прошлого урожая остался только один кувшин вина, и поэтому гостей придётся угощать разбавленным вином. А ещё, Вероника, приготовь уху, пару фаршированных шук и пожарь плотву.

Все с радостью приняли предложение хозяина. Вероника занялась приготовлением еды. Она затопила очаг, находившийся на улице под навесом, а мужчины зашли за дом и сели за стол под высокой оливой.

Персиваль и Данье положили рядом с собой на скамью свои головные уборы. Патрис продолжал исподлобья поглядывать на сидевшего напротив него Грегуара, который отвернулся и смотрел в сторону.

– Стоит ли дуться друг на друга, юноши? – сказал старый катар, усаживаясь во главе стола. – Разве не лучше жить в мире? Ведь наши тела и души постоянно испытывают муки. Разве добрым людям не пристало помогать друг другу, чтобы было легче переносить тяготы жизни?

– Помогать добрым людям – это хорошо, а вот врагам оказывать помощь не следует, – буркнул Патрис.

– Патрис, ты сейчас рассуждаешь не как катар, а как преданный Папе католик, – заметил Данье.

– Я мало встречал католиков, которые не были бы преданы Папе, – буркнул Патрис. – Таких, как ты и Персиваль, не так много.

– Ты ошибаешься, – сказал Данье. – Я знаю деревни и города, в которых живут католики, которые лучше относятся к катарам, нежели к папским легатам, епископам и кюре, присылаемых из Рима. Эти католики готовы отдать жизнь за катаров, хотя и не приемлют некоторые их правила и обряды.

– Ты так горячо вступаешься за католиков, что, кажется, будто ты, Данье, ревностный католик, – недовольно проворчал Патрис.

– Видишь ли, по рождению я католик. Впрочем, я не склонен считать себя безраздельно преданным католической церкви и Папе Римскому – признался седой художник.

– Однако ты и не катар. Я ни разу не видел, чтобы ты преклонил колени перед Совершенным катаром. Но и в католические храмы, насколько я знаю, ты тоже не заглядываешь. Уж не сарацин ли ты? – недоверчиво спросил Патрис.

– А ты уж не папский ли шпион? Слишком много ты хочешь у меня выведать, – нахмурился Данье.

– Не так важно, как ты веришь. Главное – оставаться добрым человеком, – заметил Персиваль.

– Ты имеешь в виду доброго катара или доброго католика? – спросил Патрис.

– Я имею в виду добрых людей – и катаров, и католиков, и сарацинов, – ответил философ.

– Кстати, добрый человек ещё и Давид, который живёт на краю деревни. У него своя вера, – поддержал разговор старый Мартин.

– И ты, Персиваль, и ты, Данье, произносите похожие речи, и слишком наивно рассуждаете, возлагая излишние надежды на человеческую доброту, – сказал Патрис.

– Может, потому мы с ним так давно дружим, что думаем почти одинаково, – заметил философ.

– Скажите, к какой вере вы больше склоняетесь? – поинтересовался Патрис.

– Я ещё не сделал выбор, – пожав плечами, сказал художник.

– Я пока размышляю над тем, какая вера более правильная. Впрочем, на свете, столь много вероучений, что трудно понять, какое из них истинное. При этом я готов помочь катарам распространить их учение на всю Окситанию, потому что у людей должно быть право выбора, – ответил философ.

– Вы взрослые люди, а до сих пор не сделали выбор. Ведь нельзя жить без веры! – воскликнул Патрис.

– Господь в моём сердце, – сказал Персиваль.

– Согласен с тобой, друг! – Данье похлопал по плечу философа. – Я считаю, что Господь должен быть в сердце каждого человека. Например, божественная благодать снисходит на меня, когда я берусь за кисть и начинаю писать очередную картину.

– Ты пишешь интересные картины, – сказал Персиваль.

– Мне хочется писать быт простых людей и природу, – заметил художник.

– Данье, твои картины действительно хороши, в отличие от мазни некоторых умельцев, – бросив насмешливый взгляд на Грегуара, усмехнулся Патрис.

Грегуар вспыхнул и тяжело задышал, готовый в любой момент наброситься с кулаками на трубадура.

– Патрис, тебе пора сочинить новые стихи и песни. Я не слышал в последнее время от тебя ничего нового, – заметил Персиваль.

– С той поры, как я расстался с Оливией, стихи не приходят мне в голову. Я не смогу писать стихи до тех пор, пока не спасу Оливию, – заявил Патрис.

– Вы ещё не всё не знаете, – сказал Грегуар.

– О чём же ты нам хочешь поведать, юноша? – поинтересовался Персиваль.

– Веронику едва не похитил один падре. С тремя папскими солдатами он преследовал её. Падре называл Веронику ведьмой. Однако она избежала участи своей старшей сестры, – после этих слов Грегуара все сидящие за столом нахмурились.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросил Патрис.

– Я своими глазами видел, как Вероника обдурила падре Антонио и папских солдат, – сказал Грегуар и поведал историю с неудавшимся похищением Вероники.

После его рассказа раздался взрыв дружного хохота. Однако вскоре лица собравшихся за столом мужчин снова стали серьёзными.

– В Тулузском графстве действует не один падре и не один отряд папских солдат, – сказал Персиваль.

– Верно. Падре Антонио действует не в одиночку. Мой брат рассказывал, что в похищении Оливии он винит падре Себастьяна, нашего нового кюре из Монтэгле, – добавил Грегуар.

– Да будет тебе известно, что падре Себастьян вовсе не кюре, а епископ и доверенное лицо фонфруадского аббата Арнольда, – сказал Персиваль. – Он занял место вашего бывшего кюре.

– Персиваль, оказывается, ты хорошо осведомлён о делах папских шпионов в Окситании, – удивился Патрис.

– Между прочим, падре Себастьян сластолюбив, – сказал Персиваль.

Услышав эти слова, Патрис встал и с силой ударил кулаком по столу.

– Скажи, Мартин, почему за твоими внуками устроили охоту? – спросил хозяина Данье.

– Я знаю причину такого внимания к моим внукам. Мне не следовало рассказывать тебе, Персиваль, об Итамаре, – сказал Мартин.

– Я виноват. Я уже говорил, что написал на одной из рукописей того рассказа твоё имя, Мартин, да ещё назвал твой рассказ евангелием от Итамара. Эта рукопись, из-за моей неосторожности, попала не в те руки. Сам не могу понять, как меня угораздило отдать эту рукопись человеку, который оказался ревностным католиком. Мне очень жаль, что я стал причиной твоих бед, Мартин, – расстроился философ. – Прости меня!

– Господь простит тебя, философ. Думаю, скоро солдаты доберутся и до меня, – сказал старый катар. – Не удивляйтесь, если однажды увидите меня в придорожной канаве с перерезанным горлом или выброшенным на задний двор фонфруадского замка со следами пыток на теле.

– Что ты такое говоришь, Мартин! Сейчас же замолчи! – воскликнул Данье.

– Мы не дадим тебя в обиду! – сказал Патрис.

Он выхватил из-за пояса нож и с такой силой вонзил его в стол, что тот задрожал.

– Вот это по-нашему! – послышался знакомый Грегуару голос, и из-за угла дома появился его брат Жером в накинутом на плечи чёрном плаще.

Следом за Жеромом показался его высокий спутник, на котором был такой же чёрный плащ. Все сидевшие за столом с удивлением взглянули на пришедших.

- Не узнал меня, Мартин? – спросил Жером.
- Как тебя не узнать! – воскликнул старик и, встав из-за стола, крепко обнял Жерома.
- Если бы ты знал, Мартин, как изменилась моя жизнь после того, как я познакомился с тобой и другими катарами, – с благодарностью произнёс Жером. – Как же я счастлив, что узнал о вашем учении!
- За те дни, пока ты укрывался у нас в Сомбре, ты стал для меня внуком, – сказал рас-
троганный старик.
- А что столь далеко от дома делаешь ты, мой маленький брат? – спросил Жером.
- То же, что и ты – спасаюсь от кюре. Точнее, от епископа Себастьяна, – ответил Гре-
гуар. – Ведь к нам в дом нагрянули папские солдаты.
- Зачем же тебе было бежать от падре, добрый католик? – насмешливо спросил Жером.
- Наверняка, это произошло из-за тебя и Этьена. Представляешь, что теперь ожидает
наших родителей!
- Падре Себастьян не посмеет их тронуть. Мы живём в Тулузском графстве, а не в Бре-
тани или Лотарингии, – заявил Жером.
- Да. У нас, в Бретани католики не церемонятся с еретиками, – вступил в разговор спут-
ник Жерома – светловолосый молодой человек.
- Со мной пришёл мой друг Этьен, – Жером представил своего спутника.
- Присаживайтесь, дорогие гости! – сказал Мартин.
- Только Жером и Этьен сели за стол, как из-за угла дома вышла Вероника.
- Еда скоро будет готова, – сообщила девушка и, увидев Жерома, воскликнула:
- Как я рада тебя видеть, Жером!
- Я тоже рад. Наш с Этьеном путь лежал через Сомбре, и мы решили зайти к вам, –
сказал гость.
- Как твои дела? – присаживаясь за стол, поинтересовалась Вероника.
- Нормально. Вот только Оливию я пока так и не нашёл. Но я её обязательно отыщу и
спасу, – пообещал старший брат Грегуара.
- Патрис хмуро посмотрел на Жерома и, рывком выдернув из стола нож, заткнул его за
пояс.
- Мы идём к переправе через Рону. Нам стало известно, что из Тулузы недавно вылетела
одна важная птица, – поведал Жером.
- Что же это за птица? – заинтересовался Персиваль. – Я хорошо знаю всех важных и
редких птиц, живущих в садах графа Тулузского.
- Это залётная птица, – сообщил Жером.
- Однако эта птица недавно больно клюнула и обидела графа Тулузского, – добавил
Этьен.
- Вот как? Я слышал об одном голубе, прилетевшем в Тулузу из своего гнезда с берега
Тибра. В Окситанию в последнее время повадились летать голуби из Рима. И зачем же вам
понадобилась эта птица? – поинтересовался Персиваль.
- Хотим немного потрепать ей пёрышки, чтобы она рассказала нам о своих планах, а
также сообщила про украденную папскими солдатами горлицу, – сказал Жером.
- Боюсь, что у него вы ничего не узнаете. Тот голубь – птица слишком высокого полёта.
Ему не до горлиц. О своих планах он вам тоже ничего не расскажет. И хочу вас предостеречь,
чтобы вы ненароком не свернули тому голубю шею, – предупредил философ. – В его родном
гнезде только и ждут смерти невинного голубка, чтобы в отмщение напустить на равнины и
горы Окситании стаю хищных птиц.
- Мы не собираемся убивать этого голубя, – сказал Жером.
- Данье, о чём они говорят? – спросил Патрис.

– Да ну их! Разве этих философов и катаров поймёшь? – отмахнулся художник, хотя до этого он внимательно прислушивался к беседе Персиваля с Жеромом.

– Ну и правильно, что решили не приканчивать эту птицу. А то ныне появились такие катары, которые отвергают главную заповедь: «Не убий!». Они уничтожают преследователей катаров. Надо вести себя очень осторожно, чтобы не заполыхали по всей Окситании жаркие костры. Огонь, раздуваемый крылышками голубей, может оказаться страшным, – сказал Персиваль.

– Хватит говорить загадками, Персиваль. Лучше обсудим более важные вещи. Ведь Мартину и Веронике теперь надо скрываться от вездесущих папских шпионов, – сказал Патрис.

– Я никак не могу понять, каким образом враги смогут доказать, что ты, Мартин, и твои внуки – потомки Итамара? – признался Данье. – Ведь указание твоего имени на рукописи, которую состряпал Персиваль, ещё не говорит о том, что ты, Мартин, являешься потомком апостола Итамара.

– Так ведь многие катары знают, что я и мои внуки – потомки Итамара, рыбака из Галилеи, который общался со Спасителем и передал своим потомкам его учение. Потом Итамар переселился в эти края, – сказал Мартин.

– Но, насколько я знаю, большинство катаров руководствуется евангелием от Иоанна, а не от Итамара, – заметил Патрис.

– Не только письменные источники легли в основу катарского учения. Мы, потомки Итамара, владем знанием евангелия, каким его поведал своему сыну сам Итамар, – рассказывал Мартин. – Итамар завещал, чтобы мы не возвеличивали учителей, пренебрегая самим учением. У нас, катаров, нет священников, которых назначает Папа Римский, – сказал Мартин.

– Я видел, как простые катары падают ниц перед Совершенными катарами и, унижаясь, расстилаются в низжайшем поклоне перед ними до самой земли. Мне кажется, что Совершенные катары ничем не лучше католических священников, – сделал вывод Грегуар.

– Я не говорю о том, кто лучше, а кто хуже, а только стараюсь объяснить, почему мы, катары, веруем иначе, чем католики. Мы следуем учению истинной церкви – церкви Агнца Божьего и Святого Грааля. Мы не признаём власти Папы, не создаём себе новых кумиров и не строим храмов. Мы отрицаем основные таинства католической церкви – крещение, причастие, соборование и другие, – сказал старый катар.

– А у вас есть доказательство, что вы – потомки Итамара? – продолжал допытываться Данье у Мартина.

– У меня и моих внуков есть подтверждение того, что Итамар – наш предок, – уверенно сказал старый катар.

– И что же это за подтверждение? – спросил Грегуар, заинтересовавшись признанием старого катара.

– Это отметина на теле, которая передаётся из поколения в поколение потомкам Итамара. Эта знак, указывающий на то, что Итамар ловил рыбу, когда впервые повстречался с Великим Учителем.

– И какой это знак? Неужели, рыба чешуя? – усмехнувшись, спросил Грегуар.

Вероника обиженно поджала губы, а лицо старого катара стало хмурым.

– Не смей так говорить, Грегори! – возмущённо воскликнула Вероника.

– Почему мне нельзя пошутить? Ведь твой дед может кошунствовать, произнося ересь, – сказал Грегуар. – Причём, как я понял, вы, катары, следуете еретическому учению не только на словах, но и на деле.

– Брат, не суди людей, не зная сути вещей. Между прочим, особая отметина на теле, а точнее, родимое пятно в форме рыбки, у потомков Итамара есть на самом деле, – заметил Жером.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросила Вероника, подозрительно взглянув на Жерома.

Тот, смутившись, не ответил и устался себе под ноги. Патрис, в свою очередь, не моргая, смотрел на Жерома. При этом на скулах трубадура заиграли желваки.

– Мартин, ты можешь нам показать этот знак? – попросил Данье.

– Хорошо, – согласился старый катар и, расстегнув ворот своего чёрного балахона, обнажил левое плечо.

Грегуар изумился, увидев на плече Мартина коричневое пятно в форме рыбы.

– Я тоже покажу вам родимое пятно, – сказала Вероника.

Она расстегнула ворот платья и открыла белое плечо с такой же, как и у её деда, отметиной.

Грегуар едва не проговорился, что уже видел пятно на её плече, однако сдержался.

– Точно такой же знак и на том же плече есть и у моей старшей сестры Оливии, – застёгивая ворот, сообщила Вероника.

Грегуар догадался, откуда Жером знает о родимом пятне в форме рыбки. Ему стало понятно, что Оливия для Жерома значила так же много, как и для него самого – Вероника. Об этом догадался и Патрис, у которого стали раздуваться ноздри, как у норовистого жеребца.

– Точно такие родимые пятна были у моего деда, матери и дочери. Они передались и моим внукам – Оливии и Веронике, – сказал Мартин.

– С такими родимыми пятнами опасно жить в просвещённой Европе, – ехидно заметил Персиваль.

– Мы гордимся этими знаками, а также знанием, переданным нам Итамаром! – с гордостью произнёс Мартин. – Я могу многое поведать из того, что слышал от своего деда и матери.

– Если не секрет, что такого особенного мог поведать Итамар, если он был простым рыбаком? – спросил Грегуар.

– Ты судишь опрометчиво, юноша, – обиженно сказал Мартин. – Он был не совсем простым рыбаком. Один его хороший знакомый был членом Иерусалимского Синедриона. А ты знаешь, Грегори, что не все в Синедрионе выступали за казнь Великого Учителя?

– Кажется, три члена Синедриона были против, – сказал Грегуар.

– На самом деле противников было значительно больше. А знаешь ли ты причину, по которой ещё несколько членов Синедриона проголосовали против казни? – спросил Мартин.

– Наверно, им стало жаль этого доброго человека, – сказал Грегуар.

– Это только часть правды. Многие считали, что его мученическая смерть привлечёт к его учению много последователей. Римский префект тоже долго размышлял, прежде чем утвердил решение о казни, всё-таки, принятое Великим Синедрионом, – сказал Мартин.

– Если бы всё предначертанное свыше, и произошло, то случилось бы немного позже, – философски заметил Персиваль.

– И ещё важный момент – копье римского солдата Лонгина, которым он проткнул грудь Великому Учителю и чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь, истёкшую из его ран...

Мартин не успел договорить. В это время с улицы донеслось цоканье копыт и громкие голоса людей.

– Точно так скрипела крытая повозка, на которой в Тулузу въезжала одна важная особа, – вспомнил Персиваль.

Глава 4. Жаркий спор

– Нам с Этьеном надо спешить. Пора покинуть твой гостеприимный дом, Мартин. До свиданья! Счастья и любви всем! – заторопился Жером и встал из-за стола.

Этьен тоже поднялся и направился к плетню, за которым рос высокий кустарник.

– Как же так, Жером? Ведь вы даже не поели, – расстроился старый катар.

– Нам нельзя здесь оставаться и навлекать на твой дом беду, – сказал Жером.

Едва Этьен и Жером успели перемахнуть через плетень и скрыться в густых зарослях, как из-за угла дома вышел невысокий круглолицый голубоглазый священник в пурпурной сутане и круглой шапочке. За ним следовал широкоплечий рыцарь в латах. На поясе у него висел короткий меч в ножнах, а на плечи был наброшен красный плащ. Чёрные глаза рыцаря хмуро смотрели из-под густых бровей. За рыцарем шагал долговязый оруженосец в лёгкой кольчуге и с большим мечом в ножнах.

Все сидевшие за столом не ожидали появления гостей и встретили их настороженным молчанием.

– Кто здесь хозяин? – спросил рыцарь.

– Я, – ответил Мартин.

– Старик, ты должен принять на постой меня, а также папского легата Пьера де Кастельно, моего оруженосца и возничего, – потребовал рыцарь. – Легат щедро заплатит тебе за ночлег и еду.

– Да. Я хорошо заплачу, – перебирая пальцами чётки, небрежно кивнул священник.

– Проходите! Я всегда рад гостям, – настороженно глядя на рыцаря и священника, сказал Мартин.

– Тогда я позову возничего, который сторожит повозку, – сказал рыцарь. – Ещё нужно разместить двух лошадей и дать им овса.

– Для ваших лошадей найдётся место. Мы их накормим, – сказал Мартин.

– Это хорошо. А ещё я велю возничему загнать в твой двор повозку, чтобы её не украли. В ваших краях полно воров. Проезжая по деревне я заметил, что у всех местных жителей вороватые взгляды.

Услышав эти слова, Патрис побагровел, и на его шее вздулись жилы. Персиваль незаметно усмехнулся. Данье пожал плечами.

Рыцарь с оруженосцем ушли за дом. За ними засеменил папский легат.

– Вероника, у тебя готова еда? – спросил старик.

– Готова. Сейчас принесу, – пообещала девушка.

– Тебе сегодня придётся хорошенько потрудиться, внучка, – сказал Мартин.

– Я помогу тебе, Вероника, – предложил Грегуар и ушёл вместе с девушкой.

– Не нравится мне всё это. Никогда не сидел за одним столом с папским легатом. Неужели он не мог найти место для ночлега, соответствующее своему высокому положению? – буркнул Патрис.

– Так ведь Ольне они уже проехали, а впереди нет деревень. Уже скоро наступит вечер. Им надо где-то переночевать, – объяснил Мартин.

– Я узнал Пьера де Кастельно. Я виделся с ним в Тулузе во дворце графа Раймунда, – вспомнил Персиваль.

– Только, похоже, он тебя не признал, – заметил Данье. – Он и на меня не обратил внимания, хотя несколько лет назад я писал его портрет.

– Легат узнал нас, мой дорогой Данье, но не подал вида. Пьер де Кастельно всё примечает. Он не так прост, как ты полагаешь, – сказал Персиваль.

В это время рыцарь и легат вернулись и сели за стол, а возничий и оруженосец повели к сараю лошадей. Вероника и помогавший ей Грегуар подали на стол уху, щуку, фаршированную луком и морковью, жареную плотву, солёные оливки, чёрные трюфели и зелень. Затем юноша и девушка принесли кувшин с вином, три кувшина с водой и жбан с лавандовым мёдом.

– Надеюсь, ты угостишь нас жареной бараниной, хозяин? – спросил рыцарь.

– У меня нет мяса, – развёл руками Мартин, – и остался только один кувшин вина. Его придётся разбавлять водой.

– Вот как? Ты просто жадный старик или того хуже – катар? – поморщился рыцарь.

– Я катар! – гордо произнёс старик.

– Тогда мы поищем другой дом для постоя, – решил рыцарь. – Где в вашей деревне живут католики?

– В Сомбре вы не отыщите католиков, – сказал Мартин.

– Неужели в этой деревне живут только катары?! – воскликнул рыцарь.

– Ты так возмущаешься, рыцарь, словно сел за один стол с сарацинами, – усмехнулся Персиваль.

– Нам незачем искать иной дом для ночлега. К тому же, за этим столом собрались не только катары, но и католики. Насколько я знаю, ты, Персиваль и сидящий рядом с тобой художник, который написал мой прекрасный портрет – католики, – сказал легат.

– По крайней мере, я не заявляю об обратном, – туманно произнёс Персиваль.

– В повозке есть кувшины с вином, которые я везу из Тулузы, – сказал Пьер де Кастельно.

– Эй, Венсан, принеси-ка сюда пару кувшинов красного вина! – приказал рыцарь своему оруженосцу.

Тот ушёл и вернулся с двумя большими кувшинами, которые выставил на стол. Священник и рыцарь весело перемигнулись. Возничий довольно причмокнул. Грегуар заметил на кувшине знакомое клеймо – виноградную гроздь, которую несла в клюве птица.

– Это наше вино! – воскликнул юноша. – На нём стоит клеймо моего отца.

– Так ты сын Жиральда – лучшего винодела Окситании, который живёт в Монтэгле, – догадался рыцарь.

– Да. Я его сын, – признался Грегуар и тут же пожалел о сказанном.

В тот же миг он вспомнил про свой побег из отцовского дома, когда в него вломились солдаты, ведомые падре Себастьяном. Однако никто из прибывших гостей, скорее всего, не был осведомлён о том случае.

– Жиральд – благочестивый католик. Я его знаю, – сказал рыцарь и спросил Грегуара:

– Ты, я полагаю, тоже католик?

– Католик, – сказал Грегуар и смутился, словно сказав это, предал приютивших его хозяев.

– Отчего ты так неуверенно произносишь это гордое слово? Неужели только из-за того, что сидишь за столом у катаров? – спросил рыцарь.

Грегуар ничего не ответил. Тем временем Вероника наполнила миски ароматной ухой и разлила по кружкам вино. Все принялись за еду.

– Персиваль, ты пьёшь вино, как добрый католик! – похвалил философа Пьер де Кастельно, заметив, с каким удовольствием философ осушил до дна свою кружку.

– Я люблю и вино, и женщин, как и все католики, – улыбнувшись, сказал Персиваль.

– Тем удивительнее твои критичные замечания по отношению к католической вере, которые ты позволяешь себе, когда бываешь во дворце графа Раймунда, – заметил де Кастельно.

– Я привык размышлять, а не принимать всё только на веру, дорогой Пьер, – сказал Персиваль.

– Твоё вольнодумство, философ, граничит с ересью, – осуждающе покачал головой легат.

– Ересь! Вы сделали из этого слова ругательство, а, между тем оно означает всего лишь «выбор». Вот и всё! Разве человек не имеет право на иное мнение? Еретики – не богохульники.

Не успел легат ответить Персивалю, как послышались отчаянные крики.

– Негодяи! Украли! – прокричал показавшийся из-за дома темноволосый кудрявый худой остроносый человек с маслянисто-чёрными глазами. Увидев сидевших за столом людей, он снова завопил:

– О, я несчастный! У меня, бедного несчастного одинокого человека, злодеи угнали двух лошадей!

– Это неудивительно – в этих краях полно воров, – сказал рыцарь.

– Успокойся, Давид, и расскажи толком, кто у тебя украл лошадей? – спокойно спросил Мартин.

– В Сомбре появились конокрады. Только что два вора забрались в мою в конюшню, вывели оттуда двух лошадей и усаkali на них. Когда я попытался им помешать, один из разбойников приставил мне к горлу нож. Этот негодяй был светловолосым и говорил с акцентом, а его спутник был шатен. А незадолго до этого я заметил, что у меня пропали четыре курицы и вязанка вяленой рыбы, – рассказывал Давид.

– Да ты сам говоришь с акцентом, – усмехнулся рыцарь, наблюдая за возмущающимся и нервно размахивающим руками селянином. – Подозреваю, что ты не только не католик, но даже не катар.

– Кто этот человек? – спросил папский легат у Мартина.

– Иноверец. Он давно поселился в Сомбре, – сухо ответил старик.

– Судя по его внешности, он иудей. И он ходит без жёлтого колпака? – удивился рыцарь и обратился к легату:

– Пьер, как думаешь, отчего в Окситании с иудеями обращаются столь мягко, что даже не заставляют их носить жёлтый колпак?

Давид перестал размахивать руками и кричать. Он устался на рыцаря, священника и на всех остальных сидящих за столом, соображая, что ему делать дальше. Судя по всему, Давиду грозили большие неприятности.

– Мы не в Бретани или Лотарингии, а в Окситании и у нас никто не вправе указывать, какие головные уборы носить жителям или же вообще их не носить, – сказал Персиваль.

– Как же вас всех распустил граф Раймунд! – воскликнул легат.

– Граф просто подстраивается под местные условия. Я ему это сам всегда советую, – пояснил Персиваль.

– Ах, вот даже как! – прищурившись, проговорил Пьер де Кастельно.

– Наша Окситания – просвещённый край, и мы не обязаны следовать указаниям из Рима, – сказал Персиваль.

– Ваша Окситания слишком богата, чтобы долгое время оставаться вне влияния Папского Престола, и долго ваше просвещённое общество не продержится. Поверь, философ, северных баронов гораздо больше волнуют богатства Окситании, нежели религиозные воззрения её жителей, – заметил Пьер де Кастельно.

Между тем Давид неожиданно пропал, словно растворился в воздухе. О нём в пылу спора забыли, и он посчитал, что для него будет лучше, если он незаметно исчезнет. Давид умел это делать. Раньше он жил в Кастилии и там научился внезапно исчезать, когда чувствовал, что ему грозит опасность.

Сообщение о ворах, заявившихся в Сомбре, взволновало Грегуара. Юноша, как, впрочем, и все, кто знал Жерома и Этьена, догадались, кто увёл лошадей у бедного Давида. Увидев, как переменился в лице Грегуар, Вероника тоже догадалась, кто мог быть конокрадом.

– У них были веские причины, чтобы так поступить. Твой брат и его спутник не похожи на воров, – прошептала на ухо Грегуара девушка.

– А на кого они похожи? – шёпотом спросил юноша.

– На защитников слабых. Ведь твой брат мечтает спасти мою сестру Оливию, – тихо проговорила Вероника.

– Куда подевался этот возмущённый кражей кудрявый человек? – удивился рыцарь, глядя на то место, где только что стоял Давид.

– Зачем он нам нужен? – махнул рукой легат.

– Его словно ветром сдуло! Этот нахал слишком вольно себя ведёт. Как он смеет мешать обедать мне и папскому легату? – нахмурившись, сказал рыцарь.

– Так вот, слишком много вольностей допустил граф Тулузский в своих владениях. Совсем недавно я имел с ним очень неприятную беседу, – Пьер де Кастельно продолжил с Персивалем неожиданно начавшийся диспут.

– И что же случилось? Вы поссорились с графом? – принимаясь за фаршированную шуку, поинтересовался философ.

– По правде говоря, мы с ним никогда по-настоящему не мирились. Два года назад граф Раймунд обещал мне, что он, наконец, примется за искоренение катарской ереси в Окситании. Однако граф не сдержал своего слова, – недовольно надувая щёки и ожесточённо пережёвывая кусок шуки, проговорил Пьер де Кастельно.

– Не так легко править в стране, в которой многие католики поддерживают катаров, – сказал Персиваль.

– Правитель не может вести себя так, как это делает Раймунд. Ему надо быть твёрже и выбрать, наконец, с кем он – с сильным Римом или со своими катарами? В одиночку ему не справиться с Римом. Насколько мне известно, его союзник – король Арагона не торопится выступить на его стороне.

– Как я догадался, вы предложили графу принять сторону грубой силы? – поджав губы, спросил Персиваль.

– Не сторону грубой силы, а сторону Папы Римского. Он, а также все католические священники несут свет истины, – поправил философа легат, запивая фаршированную шуку вином.

– Откуда вам знать, где истина? – спросил философ.

– Истина следует из апостольских писаний.

– Но ведь из сотни евангелий были выбраны лишь четыре, а остальные изъяты из обращения – сожжены или уничтожены иным способом, а евангелие от апостола Павла надёжно сокрыто в одном из тайников папского дворца.

– Вы неплохо осведомлены, Персиваль, – усмехнулся Пьер де Кастельно, запихнув за щёку несколько солёных оливок. – Однако ваши рассуждения мне кажутся странными. Вы должны понимать, что, если многие евангелия были уничтожены, значит, на то была воля Господа.

– И чем же закончилась ваша беседа с графом Тулузским, уважаемый Пьер? – поинтересовался Данье, внимательно прислушивавшийся к беседе философа с папским легатом.

– В итоге я провозгласил отлучение от церкви графа Тулузского Раймунда. После этого граф стал на меня кричать и потребовал, чтобы я убирался вон из его дворца и из Окситании.

– А дальше? – спросил Данье.

– Всё завершилось тем, что теперь я сижу за этим столом, ем рыбу и пью вино, – буркнул Пьер де Кастельно.

– Куда же вы держите путь? – поинтересовался Персиваль.

– Я направляюсь в Рим. Буду жаловаться Папе на графа Раймунда.

– А заодно мы с легатом пожалуемся на всю Окситанию, – добавил рыцарь и громко рыгнул.

Персиваль с гневом взглянул на рыцаря и спросил:

– А вам-то какое дело до Окситании?

– Я уже говорил, что это богатая территория, – сказал рыцарь Симон и снова рыгнул. – И это самое важное.

– Простите, но я не знаю вашего полного имени, досточтимый рыцарь, – спросил философ.

– Барон Симон де Монфор, – представился рыцарь.

– Не подумайте, что только богатства вашего края привлекают северных франкских баронов и Папу Римского. Гораздо важнее духовное здоровье жителей Тулузского графства и всей Окситании, – заметил Пьер де Кастельно. – Ведь не секрет, что в Окситании учение катаров получило широкое распространение, а это привело к тому, что катары лишают благодати детей, оставляя их без крещения, люди умирают без церковного покаяния, в грехе. Катары даже не носят на груди крест.

– Бессловесные младенцы не могут ещё сами определиться и сделать выбор. Как же можно их крестить? Ну, а крест – это символ мученичества, потому мы его не носим, – сказал Патрис.

– Крест – символ преодоления страдания и скорби. Его должен носить человек, который следует заповедям Господа, – возразил легат.

– Вы, катары, – обратившись к Патрису, сказал барон, – несёте полный бред, утверждая своё понимание мироздания. Юнец, ты можешь мне поведать вашу ересь о переселении душ, о которой я лишь немного наслышан?

Патрис не успел ответить, как заговорил старый катар.

– Лучше я отвечу на этот вопрос, – сказал Мартин. – Мы, катары, верим в переселение душ. Бог, создавший тонкий мир, существующий вне материи, создал и человеческие души по Своему образу и подобию. Бог живёт вне материи, в мире Света. А материальный мир порождён сатаной. Души людей, прошедшие тяжкие испытания в земном мире, в своё время освободятся от материальных тел. Ведь тело человека является вместилищем грехов и болезней. Только тому, кто стал чистым, смерть принесёт окончательное избавление души от страданий. Но, возможно, человеческой душе потребуется новое пребывание на грешной Земле, чтобы искупить грехи. В конце времён, когда все души будут освобождены из тел, Свет вновь будет полностью отделён от господства материи. И тогда материальный мир исчезнет, солнце и звёзды погаснут, а огонь поглотит души демонов. Продолжится лишь вечная жизнь чистых душ.

– Вот в чём ваша ересь! К твоему сведению, старик, человеческая душа проживает одну единственную жизнь и, после смерти тела, ожидает второго пришествия Спасителя и Страшного Суда, на котором решится её участь – вечное блаженство в Царстве Божьем или вечные муки в аду. Воскресение ожидает верующих в восстановленных телах. И тогда свершится Божий суд над ними, – сказал легат.

– Но зачем восстанавливать разрушенное? Ведь проще построить телегу из новых материалов, чем собирать её из старых сгнивших оглоблей, ржавых кривых гвоздей и рассыпавшихся колёс, – произнёс Мартин.

– Как ты можешь так рассуждать, старик? Откуда ты набрался всей этой ереси? – с раздражением спросил легат.

– Я почерпнул знания не из книг, написанных спустя многие десятилетия после прихода на землю Великого Учителя, а из откровений тех апостолов, которых не признала ваша церковь, легат. Ты знаешь, что у нас есть свои апостолы и свои епископы, – ответил старик.

– Ты ведёшь ужасные речи, старик! – с возмущением воскликнул легат.

– Скажи старик, как можно жить без причастия? – сурово спросил Симон де Монфор, уминая за обе щеки фаршированную щуку.

– Видно, катары неисправимые грешники, коль они отказываются от столь важного таинства, как причастие! – воскликнул легат.

– Мы не приемлем причастия в том виде, в каком оно происходит в вашей церкви, – сказал Мартин.

– Причастие – благодатное приобщение души к вечной жизни, – сказал Пьер де Кастельно.

– Да что с ними разговаривать, дорогой Пьер! Правильно сказано, что не мир, а меч нужен еретикам! – воскликнул Симон де Монфор.

– Отчего в ваших словах столько злобы, барон? Ведь мы, так же, как и вы, веруем в пришествие Великого Учителя и молимся об искуплении грехов, – сказал катар.

– Так ведь вы молитесь в сараях, в полях и рощах, и даже на скотных дворах, но не в храмах, – сурово сдвинув брови, молвил папский легат.

– Как вам только не противно! – поморщился Симон де Монфор.

– Возмутительно! Как же катары могут обходить стороной церкви? Как можно не зайти в храм и не поддержать материально посредников между Богом и людьми? – насмешливо спросил Персиваль.

– Издеваешься, философ? Да я вижу, что еретиков здесь собралось больше, чем я полагал вначале! – вскричал Пьер де Кастельно. – Персиваль, ты скоро договоришься до страшных вещей!

– Что может быть страшнее и печальнее потери церковью прихожан? Ведь это прекращение уплаты десятины прихожанами и потеря влияния церкви, а что может быть страшнее этого для вас, священников? – спросил Персиваль.

– Ты стал катаром, Персиваль! Какой ужас! – в ужасе проговорил легат.

– Это не так. Я не стал катаром. Просто я всё чаще задумываюсь над вещами, над которыми католическая церковь по вполне понятным причинам не советует размышлять.

– Так ты перестал вообще верить в Господа?! – вскричал легат.

– Я верю в Бога. А вот верите ли вы сами? – спросил Персиваль, глядя в глаза Пьеру де Кастельно.

– Да как ты можешь так говорить! – вскричал возмущённый легат.

– Может Персиваль всё-таки прав? – спросил Данье. – Иначе, отчего именно Окситания, став приютом для сотен тысяч катаров, сказочно богатеет, а искусства и науки здесь процветают, в отличие от алчущих её богатств северных областей Страны Франков и других государств Европы?

Симон де Монфор закричал:

– Такая благодатная земля, а досталась каким-то еретикам!

Тут барон покраснел, словно варёный рак.

Грегуар сначала решил, что он возмутился до такой степени, что побагровел, но оказалось, что де Монфор подавился рыбьей костью. Он выпучил глаза, захрипел и принялся хаотично размахивать руками. Потом он кашлянул и выплюнул на землю острую щучью кость. После этого он стал ровно дышать, и краска сошла с его лица.

– С вами всё в порядке, дорогой Симон? – участливо спросил легат Симона де Монфора.

– Слава Богу, всё обошлось, – проговорил барон. – Какие, однако, колючие кости у этой рыбы! Вот что значит – есть рыбу. Если бы мы сейчас ели мясо, этого бы не случилось. Рыбья кость исцарапала мне горло.

– Случается, люди умирают, когда им попадает не в то горло кусок мяса или, когда спяну захлёбываются в тарелке с похлёбкой, – заметил Данье.

– Скорее выпейте кружку вина, барон! Вино успокоит боль в горле и царапины быстро заживут, – с этими словами возникший, до этого момента молча сидевший за столом, протянул кружку вина Симону де Монфору.

Перед тем, как подать барону вино, возничий украдкой всыпал в кружку щепоть жёлтого порошка. Лишь оруженосец заметил, что возничий ведёт себя странно – он на несколько мгновений отвернулся, держа в руках кружку, предназначенную для Симона де Монфора. Однако Венсан был пьян и тут же забыл о своих подозрениях.

– Что за глупость – не есть мясо, – проворчал недовольный барон. – Мы тоже соблюдаем посты, но чтобы никогда не есть мясо – это слишком! Да что с вами говорить, если вы, катары, даже отказываетесь от причастия и не ходите в церковь.

– Как можно не причащаться? – сердито сказал Пьер де Кастельно и, достав чётки, принялся их нервно перебирать. Спаситель говорил: «Ядущий мою плоть и пьющий мою кровь имеет жизнь вечную».

– Не забывайте, уважаемый Пьер, что в тексты евангелий вполне могли вкрасться неточности, – осторожно сказал Персиваль.

– Существуют всего четыре признанных церковью канонических евангелия. Каким же образом могут появиться неточности в этих текстах? – едва сдерживая себя от ярости, спросил налившийся кровью Пьер де Кастельно.

– Ошибки могли вкрасться не по злему умыслу, а в результате неверного перевода. Ведь эти тексты несколько раз не только переписывались, но и переводились с арамейского и греческого языка на латынь. А среди людей, разговаривающих и думающих на своих родных языках, появляются ещё большие отклонения от текстов. И в каждом языке есть моменты, способные в корне поменять смысл многих фраз. Видите ли, я изучал чужеземные языки, такие как греческий, болгарский и даже язык ильменских словенов. Так что могу привести примеры, – предложил Персиваль.

– Приводи же, философ, свои примеры! – процедил сквозь зубы легат.

– Вы же помните фразу: «Multi enim venient in nomine meo dicentes quia ego sum et multos seducen», – произнёс философ.

Услышав эти слова, Грегуар вздрогнул. Он вспомнил, как их произносил падре Себастьян в церкви в Монтэгле.

– И что же в этой фразе тебе непонятно? – пожал плечами легат.

– В переводе это звучит так: «Ибо многие придут под именем моим и будут говорить, что это я, и многих прельстят».

– Пока всё верно, – согласился священник.

– Однако, к примеру, славяне, могут прочитать часть этой фразы на своём языке как – «под именем моим», так и – «во имя моё». Не правда ли, есть разница? – спросил Персиваль.

– Вот потому-то и все молитвы надо произносить только на латыни, – наставительно проговорил легат. – Впрочем, особой разницы в переводе я не нахожу.

– Я не слышал, чтобы многие приходили под Его именем, – сказал Персиваль и, выдержав жёсткий взгляд легата, с ненавистью посмотревшего на него, продолжил:

– Теперь многие пришли и стали говорить от Его имени.

– Я что-то не пойму, к чему ты клонишь, философ? – спросил барон и при этом его глаза стали наливаясь кровью.

– Персиваль клонит к тому, что мы с тобой, Симон, пришли, прикрывшись именем Спасителя, – произнёс легат.

– А вот мы этого философа сейчас проучим! – прохрипел барон, хватаясь за меч, и закричал:

– Венсан, к оружию!

Оруженосец Симона де Монфора вскочил со скамьи и схватился за рукоять большого меча, намереваясь вытащить его из ножен.

– Останови их, легат! Иначе они убьют Персиваля! – закричал Данье.

– Прекрати, Симон! – крикнул священник. – Ещё не хватало пролить кровь в доме, в котором нам предоставили приют и накормили.

– Эти еретики мне уже порядком надоели. Впрочем, Венсан, давай немного подождём. Думаю, нам скоро доведётся по квитаться со всеми нашими обидчиками, – недобро усмехнулся барон.

– Отчего же вы, чуть что, сразу же хватаетесь за оружие? Неужели вы готовы только за непонравившееся тебе слово или за неподобострастный взгляд убить человека? – с укором спросил подвыпившего барона Мартин.

– Ничего подобного! Не за слово или взгляд, а во имя веры я готов убивать еретиков. Во имя веры позволено всё! – взревел Симон де Монфор. – Знаешь ли ты, катар, что я один из немногих крестоносцев отказался участвовать в истреблении единоверцев в Хорватии? В тот раз венецианские купцы натравили нас на один католический город. Но если на моём пути встанут иноверцы или хулители веры, я истреблю их всех до последнего ничтожного человечка!

Патрис исподлобья посмотрел на рассвирепевшего барона.

– Как же стало жарко, а латы скинуть нельзя. Здесь опасно оставаться без лат. Вокруг одни злодеи. Всех вас надлежит сжечь, четвертовать или повесить! – разошёлся барон. – И только так!

– Успокойся, Симон. Завтра нам предстоит долгий и трудный путь, – проговорил легат, глядя на сбежавшихся деревенских мужиков, которые с вилами, мотыгами и топорами вышли из-за угла дома.

– Это всё твоё миролюбие, Пьер! Пока их щадишь, они садятся тебе на шею! – кричал Симон де Монфор, за спиной которого стояли нахмурившиеся мужики.

– Молчи, Симон! Похоже, не все катары придерживаются мнения, что им не позволено убивать людей. Оглянись и посмотри – у местных жителей в руках топоры и вилы, – предупредил барона легат.

– Ерунда! Известно, что катары буквально следуют заповеди «Не убий!». Они ничего нам не сделают плохого, – расхохотался Симон де Монфор.

– Почему ты не замолчишь, Симон? Тебе и вправду не следует пить много вина, – сказал легат.

– А вас и не будут убивать, вас просто покалечат. Кажется, такого запрета не существует, – злорадно улыбаясь, пообещал Патрис, который приободрился, увидев собравшихся возле дома Мартина жителей Сомбре, вооружённых вилами, мотыгами и топорами.

– Уходите, добрые люди! – попросила Вероника.

Однако толпившиеся возле их дома односельчане не расходились.

– Уходите! Спасибо всем вам, что пришли, но мы сами всё уладим, – сказал Мартин.

Мужики ещё некоторое время постояли, хмуро наблюдая за раскрасневшимся рыцарем, его оруженосцем, возникшим и папским легатом, а потом разошлись. Наконец, Симон де Монфор успокоился. Оруженосец и возникший подхватили его под руки и увели в дом, откуда вскоре послышался громкий храп.

– Жаркий у нас получился спор, – сказал Пьер де Кастельно, вытирая платком пот со лба.

– Хорошо, что он завершился мирно, – заметил Данье.

– Не знаю, к чему все эти бесполезные споры? Всё равно будет так, как решит Папа. И граф Тулузский зря рвёт и мечет, да и все вы напрасно переживаете. Рано или поздно во всей Окситании утвердится католичество, – уверил легат.

– Пока католичество полностью не утвердилось, могу предложить для вас такую же лежанку в доме, как и та, на которой уже спит барон Симон де Монфор. А возникший и оруженосец могут уснуть на полу, на который мы положим сено, – сказал Мартин.

Легат зашёл в дом, не раздеваясь, прилёг на скамью и уснул. Вероника и Грегуар принесли из сарая несколько охапок душистого сена и разложили их на полу. Преданный оруженосец

устроился рядом с лежанкой, на которой храпел Симон де Монфор. Возничий улёгся рядом с лежанкой, на которой спал легат.

– Где теперь нам ночевать? – спросил Персиваль.

– Придётся всем устроиться в сарае на сене, – сказал Мартин.

– Ты хотя бы получил от легата монеты за постой? – спросил Данье.

– Да. Легат сунул мне в руку золотой ещё до того, как сел за стол, – сказал старый катар.

– При всех его недостатках, Пьер де Кастельно не самый плохой человек, – отметил философ.

– Персиваль, ты зря ввязался с ним в спор, – сказал Данье.

– Да и ты, мой друг, сегодня не промолчал, – заметил философ.

– Хорошо, что Грегуар и Вероника не участвовали в споре. А, главное, Патрис сдержался, – сказал художник.

– Мне это удалось с трудом, – признался Патрис.

– Уж если ты стал катаром, то должен уметь сдерживать свои порывы, а главное укрощать ненависть, – сказал Мартин.

– Мне тяжело сдерживать себя, когда я вижу несправедливость. Я всегда буду добиваться справедливости, – сказал Патрис.

– А что такое справедливость? – спросил Мартин.

– Это когда люди поступают согласно Божьим заповедям, – ответил трубадур.

– Земной мир создан падшим ангелом. Так о какой справедливости в этом материальном мире ты рассуждаешь? – спросил старый катар.

– Мартин, похоже, ты стал или Совершенным, или философом, как я, – удивился Персиваль, – Ты очень интересно рассуждаешь о серьёзных вещах.

– Нет. Я не Совершенный катар и, уж тем более, не философ. Просто за свою долгую жизнь я не раз убеждался в правоте катарского учения. Однако хотя на нашей стороне правда, мы не устоим против жестокости наших врагов. Окситанию ожидают чёрные дни, освещаемые яркими огнями костров инквизиции. На нашу землю надвигается тёмная сила. Я чувствую это. Другого и не может быть. Свет не может долго освещать этот мир тьмы. Я вижу гибель лучших сыновей и дочерей Окситании в своих снах, которые меня никогда не обманывают, – грустно проговорил Мартин. – Нам, катарам, остаётся лишь спасти свои души.

– Признаюсь, мне не нравится покорность катаров судьбе и их неприятие зла. Но должен сказать, что меня заинтересовали ваши рассуждения о справедливости. Полагаю, что грань между справедливостью и несправедливостью размыта. Часто то, что одному человеку кажется справедливым, оказывается вопиющей несправедливостью для другого. Считаю, что не следует искать справедливость в этом мире, а надо стараться совершать целесообразные поступки, – рассуждал Персиваль.

– Как же можно не бороться за справедливость? – растерянно спросил Патрис.

– Я ведь не призываю отказываться от борьбы. К примеру, с врагами нашей земли целесообразно бороться. Ведь отстояв нашу Окситанию, мы сможем продолжать наслаждаться твоими стихами и песнями, Патрис, любоваться картинами, которые ещё напишут Данье и этот юноша, – Персиваль кивнул на Грегуара.

– Ты прав, Персиваль, за свободную Окситанию нужно сражаться, – согласился Данье. – Ведь виноградари и рыбаки, астрономы и художники, ткачи и пахари, странствующие трубадуры и философы могут вольно жить лишь на свободной земле Окситании. Какое наслаждение дышать пропитанным ароматами благоуханных цветов и трав воздухом нашей родины, в котором витают благочестивые помыслы катаров. Кстати, если ты, Персиваль, осуждаешь катаров за полное неприятие зла и покорность судьбе, то я не могу принять доктрину их проповедников о создании земного материального мира сатаной. Такая красота может быть создана только Богом. По крайней мере, Окситания создана Господом. Нигде я не видел таких красивых

гор, бескрайних холмистых равнин с оливковыми и дубовыми рощами и такие синие небеса, как в Окситании! Да и прекраснее Тулузы я не видывал городов.

– Ты так красиво говоришь, Данье, что я заслушался. Пожалуй, ты не случайно стал патриотом Окситании. Я тоже часто люблюсь красотами нашей земли, а ещё чаще я заглядываюсь на красавиц-окситанок, которых ещё не успели истребить инквизиторы, уничтожившие красивых девушек в остальной Европе, обвинив их в колдовстве. А ещё я хочу сказать, что не всё будет потеряно даже в том случае, если сбудутся твои плохие вещие сны, старик, – сказал Персиваль. – Всё равно Окситания будет свободной. Придёт эра возрождения живописи и поэзии, науки и медицины.

После его слов наступило молчание. Вскоре уставшие хозяева и гости отправились спать в сарай, где уснули на душистом сене.

Ранним утром все собрались перед домом и наблюдали, как возничий запрягает лошадей. Потом папский легат Пьер де Кастельно, Симон де Монфор и его оруженосец Венсан с распухшими глазами и хмурыми отёкшими лицами молча забрались в крытую повозку.

– Мне кажется, они недовольны, – отметил Данье.

– Неужели им было мало еды и вина? – удивилась Вероника.

– Наоборот. Они слишком много выпили вина, – сказал Персиваль. – Теперь у каждого из них болит голова. Вот они и покидают Сомбре такими хмурыми.

– Они пили вино моего отца. Однако вино у нас всегда отличное. От него не может болеть голова, – сказал Грегуар.

– Они выпили слишком много прекрасного вина. Неумеренность во всём плоха. Заметь, Грегуар, мы с Данье тоже пили это изумительное вино. Однако разве скажешь по нашему виду, что мы перебрали лишнего? – спросил Персиваль.

– Это верно. Вы с Данье выглядите намного свежее, чем легат, барон и его оруженосец, – согласился Грегуар.

– Эти люди не дали нам вчера поесть в спокойной обстановке, – недовольно сказал Данье.

– И сейчас они не сказали доброго слова хозяину и его внучке за предоставленный кров, – произнёс Патрис, наблюдая за тем, как повозка трогается в путь.

– Они считают, что если заплатили за услугу монетой, то уже не нужны никакие слова благодарности, – сказал Данье. – Для них мерилom всего являются деньги.

Грегуар вдруг вспомнил, с каким благоговением, сидя за столом, пересчитывал монеты его отец. В те мгновения на лице винодела было написано блаженство. Отец перекладывал монеты одну за другой в шкатулку и улыбался. Отблески от свечей, попадавшие на золото, согревали его душу, словно лучи солнца. А потом он даже гладил шкатулку, прежде чем убрать её в потайное место. Отец ставил на место камень в стене, и тайник был скрыт для посторонних глаз. Потом Грегуар не раз замечал, с каким теплом отец смотрел на тот камень, ничем не выделявшийся от остальной кладки. Юноша смутился и постарался прогнать воспоминания.

Тем временем повозка уже удалилась от дома Мартина. Когда она подъезжала к краю деревни, где был расположен дом Давида, тот вышел из дома и затворил за собой дверь. Давид подошёл к плетню, улыбнулся и потянулся, радуясь тёплому солнышку. Однако улыбка мгновенно слетела с его лица, когда он увидел крытую повозку, запряжённую двумя лошадьми. Он понял, что пора уносить ноги...

Для барона де Монфора, наблюдавшего в окно за деревенским пейзажем, так и осталось загадкой, куда подевался кудрявый еврей без жёлтого колпака на голове, только что нежившийся под лучами утреннего солнца возле плетня. Непонятно, каким образом, но иноверец растворился в воздухе, словно его и не было. Он пропал из виду, как был – с блаженным выражением лица. При этом дверь в дом так и осталась закрытой, а невысокий кустарник и заросли бурьяна возле плетня даже не колыхнулись. Изумлённый барон протёр глаза и впервые за утро заговорил, обратившись к легату:

– Пьер, а ведь мы с тобой здорово перебрали. Я сейчас видел еврея, который исчез прямо на глазах, словно призрак. Он растворился в воздухе! Его нигде не видно. Может, остановимся и заглянем в его дом и во все пристройки? Ещё надо будет поискать этого типа в зарослях кустарника.

– Ещё чего! Зачем тратить время на поиски растворяющегося в воздухе еврея? То, чему ты стал сейчас свидетелем, ещё больше убеждает меня в том, что все иудеи связаны с нечистой силой, которая им иногда помогает – сказал Пьер де Кастельно.

– К счастью, бесы не могут вечно им помогать. Рано или поздно, Божья кара настигнет их, где бы они ни прятались, – сказал Симон де Монфор.

Повозка выехала из деревни, и возничий направил лошадей по дороге, проложенной вдоль извилистой реки.

– Кажется, эта река впадает в Рону, – сказал легат.

– Эта река наверняка куда-нибудь впадает, – вяло согласился барон, всё ещё находившийся под впечатлением мгновенного исчезновения человека.

– Ты плохо слушаешь меня, Симон, – расстроился легат.

– Да. Я не могу прийти в себя. Я ещё никогда не встречался со столь необъяснимым явлением – растворяющимся в воздухе иноверцем, – признался барон. – Чудеса, да и только!

– Возможно, тебе, Симон, просто привиделся этот еврей. Мы с тобой действительно перебрали вина, – сказал легат.

– Знаете, Пьер, после разговора с жителями Сомбре я ещё более уверился в том, что нам надо спешить в Рим и просить помощи у Папы. Пришло время наказать еретиков, – сердито произнёс Симон де Монфор.

– Как думаешь, нас ждут на переправе? – поинтересовался легат.

– Конечно, – уверенно сказал барон.

– Однако наш отъезд из Тулузы был неожиданным, и на переправе может не оказаться надёжных перевозчиков.

– Не волнуйтесь, святой отец. Всё будет в порядке. Ещё в Тулузе мне сообщили, что перевозчики предупреждены о нашем прибытии, – успокоил легата барон.

Лошади неспешно везли повозку. Мерное цоканье копыт, лёгкий ветерок, шелест листвы придорожных кустарников и голоса звенящих в воздухе жаворонков убаюкивали путников. Постепенно легата, барона и его оруженосца укачало, и они задремали. Возничий начал клевать носом. Он то проваливался в сон, то снова просыпался. Вскоре из повозки донёсся громкий храп Симона де Монфора. Его оруженосец спал беспокойно, постанывая и изредка вскрикивая. Легат дремал и умиротворённо улыбался во сне. Подчиняясь велению неумолимой судьбы, повозка катила к берегу Роны...

После неудачной погони за Вероникой, падре Антонио, Бертран и Дюран ехали на лошадях по лесной дороге. Перед Дюраном лежал переброшенный через спину лошади труп сержанта Томаса.

– Падре, долго ещё везти сержанта? Может, похороним его здесь, на опушке? – спросил Дюран, когда они выехали из леса.

– Нехорошо закапывать сержанта в поле. Надо заехать в Ольне, где есть католическое кладбище. Там мы его и похороним, – решил падре Антонио.

Падре Антонио и солдаты свернули с дороги, которая вела в Сомбре, и направились в сторону Ольне. Вскоре на дороге показался всадник в чёрном плаще, ехавший им навстречу на вороной лошади. Верхняя часть его лица была сокрыта надвинутой на лоб чёрной широкополой шляпой. Издалека были видны только чёрные усы и узкая борода.

Падре Антонио прищпорил пятками лошадь и ускакал от своих спутников. Подъехав к всаднику в широкополой шляпе, падре перебросился с ним несколькими фразами. Когда Бертран и Дюран приблизились к беседующим, священник приказал им:

– У нас с вами появилось новое задание. Нам надлежит выехать в сторону переправы через Рону.

– Опять куда-то ехать! А отдохнуть? Ведь мы так устали и переволновались, пока преследовали ведьму, – пожаловался Бертран.

– Потом отдохнёте. У меня поручение от очень высокопоставленного лица, – заявил падре Антонио.

– Неужели от графа Тулузского? – удивился Дюран.

– Не от графа, а от самого Папы Римского, кретины! – вскричал человек в широкополой чёрной шляпе.

– Нет. Поручение именно от графа Раймунда, – поспешил заверить Бертрана и Дюрана падре Антонио.

– Что-то я совсем запутался, – пробормотал Бертран. – Ты что-нибудь понял, Дюран?

– Нет, – откровенно сознался Дюран и спросил:

– Так по чьему же поручению мы должны действовать?

– По моему поручению. Поняли? Только по-моему поручению! – потребовал падре Антонио.

– Конечно, мы всё поняли. Если нас впереди ожидает сержантское звание, то мы, несомненно, всегда готовы выполнить любое ваше приказание, падре Антонио! – заверил Бертран.

– Вот и хорошо, – смягчился падре.

В это время человек в широкополой чёрной шляпе развернул лошадь и направился прочь, не проронив ни слова.

– Этот незнакомец даже не попрощался, – сказал Бертран, глядя вслед всаднику.

– Видно, он важный человек, – заметил Дюран.

– А кто это был такой? – спросил Бертран.

– Больше никаких вопросов! Поняли? – рассердился падре Антонио.

– Конечно, поняли, – сказал Бертран.

– А всё-таки можно задать хотя бы один вопрос? – поинтересовался Дюран.

Падре Антонио процедил сквозь зубы:

– Ладно. В последний раз я отвечу.

– Что делать с трупом сержанта Томаса? – спросил Дюран.

– Теперь нам не удастся похоронить сержанта, как положено. У нас нет времени, чтобы донести труп до кладбища. Придётся его закопать здесь, – решил падре Антонио.

– Но у нас нет лопаты, – растерялся Дюран.

– У нас нет лопаты и, к тому же, нам некогда. Что ж, сейчас я попрошу тех людей нам помочь, – священник кивнул в сторону мужчин и женщин с мотыгами и лопатами, которые работали в поле. – Эй, вы из какой деревни?

Один мужчина крикнул в ответ:

– Из Сомбре.

– Сделайте доброе дело – предайте тело этого человека земле, – обратился к ним священник.

– Мы похороним его, – пообещал мужик с мотыгой и спросил:

– А как его звать?

– Сержант Томас.

– Что ж, мы похороним сержанта Томаса, – сказал мужик.

– Снимите труп с лошади и положите его возле дороги, – приказал солдатам падре и добавил: – Конечно, плохо, что Томаса похоронят не католики. Придётся поручить это скорбное дело катарам.

– Это даже хорошо! – сказал Бертран.

– Хорошо, что похоронят сержанта? – нахмурился падре.

– Это, конечно, не очень хорошо. Хотя хорошо, что освободилось место сержанта... Кажется, я говорю не совсем то, что следует, – пробормотал Бертран, заметив негодующий взгляд священника. – Вообще-то, хорошо, что хоронить бедного Томаса будут катары, а не католики. Они похоронят его совершенно бесплатно. А католики содрали бы с вас деньги, падре.

– Что ты сейчас сказал? – спросил падре Антонио.

– Похоже, я опять сказал не то, что вы хотели бы услышать. Я понимаю, что поскольку сержант был воином, а не священником, то и деньги на его похороны вроде бы должны давать мы, а не духовное лицо, то есть вы, падре. Однако у нас, солдат, денег намного меньше, чем у вас, священников, и поэтому в данном случае именно вам пришлось бы немало заплатить за погребение, если бы сержанта взялись хоронить католики.

Тут Бертран увидел, что падре побелел от негодования и поспешил заверить его:

– Впрочем, мы с Дюраном могли бы похоронить нашего сержанта совершенно бесплатно. Правда, Дюран?

– Совершенно бесплатно! Нам ради нашего сержанта ничего не жалко. Даже своих сил, – согласился Дюран.

– Хоть бы ты помолчал, Дюран! – поморщившись, проговорил падре Антонио.

– Если вы, падре, обиделись на то, что я сказал про католиков, так это зря. Я сказал чистую правду. Я сам католик и знаю, что говорю. Так вот, я сам ни за что не согласился бы хоронить неизвестного мне человека просто так, без платы, – сказал Бертран.

– И я не стал бы бесплатно хоронить незнакомого мне человека, хотя я католик и, как положено, соблюдаю пост и вовремя причащаюсь, – гордо произнёс Дюран.

– Вы когда-нибудь умолкнете? – раздражённо прохрипел падре Антонио. – Я устал от вашей болтовни. Закройте рты и не задавайте мне вопросы!

Солдаты спешили и положили тело сержанта возле дороги, а потом снова сели на лошадей и поспешили за падре Антонио, который уже съехал с основной дороги и направил свою лошадь по тропе, проложенной по полю.

Тем временем к телу Томаса подошли два мужика с лопатами. Они остановились, дожидаясь, когда священник и солдаты отъедут подальше, а потом принялись рыть могилу возле дороги.

Падре Антонио ехал молча. Следовавшие за ним солдаты тоже некоторое время молчали, а потом Дюран произнёс нараспев:

– Вот мы сейчас едем мимо Сомбре по полю и почему-то не заезжаем в эту деревню.

– Хорошая дорога проходит через Сомбре, но мы едем по кочкам, – растягивая слова, грустно вторил Дюрану Бертран.

– Вы решили известить меня? – возмутился падре Антонио.

– Мы вовсе не хотим известить вас, падре, – сказал Бертран.

– Хочу вам сказать, что стихи у вас получаются плохие и трубадуры вы бездарные, – проворчал священник.

– Вы ошибаетесь падре, мы не поём и не сочиняем стихи. Это мы таким образом пытаемся спросить вас, не задавая при этом вопросов, – пояснил Дюран.

– Это уже интересно, – усмехнулся падре Антонио.

– Ведь вы запретили задавать вам вопросы, а узнать очень хочется, – сказал Дюран.

– Но мы не хотим вас разгневаться, – добавил Бертран.

– И что же вы хотите узнать? – поинтересовался падре Антонио.

– Мы проезжаем мимо Сомбре, по задам этой деревни, и катары, наверняка, сейчас нас не видят. Кажется, именно из-за этого мы не едем по хорошей дороге, – снова принялся нараспев бубнить Дюран.

– Я могу вам сказать, что теперь мы выполняем тайную миссию. И нам не следует лиш- ний раз попадаться на глаза местным жителям. Особенно спешить нам не следует, но и задер- живаться тоже нельзя, – разоткровенничался падре Антонио.

– И неизвестно, куда мы держим путь. А ведь мы такие голодные и уставшие, – спустя некоторое время начал бубнить Дюран.

– И никому нет дела до того, что мы сильно проголодались и страшно устали, – вторил ему Бертран.

– Все хорошие католики в это время едят мясо, запивая его вином, а у нас маковой росинки не было во рту со вчерашнего вечера, – грустил Дюран.

– Так вы замолчите, наконец? – спросил священник.

– Вопросы могут задавать лишь нам, а мы можем лишь грустить и страдать, – проговорил Бертран.

– Хватит! Молчите! – закричал падре Антонио. – Как только въедем в лес, сразу сделаем привал, и вы отправитесь в деревню за едой.

– Вот это правильно! – обрадовался Дюран.

– Оказывается, жизнь может быть прекрасной, – повеселел Бертран.

Всадники въехали в рощу и спешили на поляне, неподалёку от деревни. Падре Антонио сел на бревно и вытянул ноги. Потом взмахом руки он подзвал к себе Бертрана и Дюрана и выдал им по монете.

– Сходите в деревню и купите что-нибудь поесть. Только не смейте воровать и ведите себя тихо! – приказал падре. – Помните: вы нужны для выполнения чрезвычайно важного задания.

– В катарской деревне не купишь птицу, мясо и хорошее вино, – вздохнул Бертран.

– Разве только морковь и рыбу, – сказал Дюран.

– Ступайте в деревню и купите хоть какую-нибудь еду, – устало произнёс падре Анто- нио. – И постарайтесь никому ничего не рассказывать о себе.

Бертран замер и прислушался.

– Кажется, в деревне кудахчут куры, – обрадовался Бертран. – А ещё говорят, будто катары не держат птицу.

– Идём! Кажется, скоро мы вдоволь наедемся, – сказал Дюран, и солдаты направились к деревне.

Дюран и Бертран возвратились не с пустыми руками. Каждый из них нёс по две курицы со свёрнутыми головами, держа их за лапы. На шее у Бертрана висела вязанка вяленой рыбы.

– Как вижу, ваш поход в деревню оказался успешным, – заметил падре Антонио, который всё так же – вытянув перед собой ноги, сидел на бревне.

– Нам принесли четыре курицы и вязанку вяленой рыбы, – похвастал Бертран.

– Мы их купили у хозяина дома на краю деревни, – сообщил Дюран.

– Очень хорошо. А теперь разведите костёр и пожарьте птицу, – распорядился падре Антонио.

Солдаты принесли хворост, и вскоре рядом с бревном, на котором сидел священник, запылал костёр. Куры были ощипаны, выпотрошены и нанизаны на прутья, которые Бертран и Дюран разместили над огнём на воткнутых в землю рогатинах. Когда куры поджарились, священник и солдаты принялись за трапезу. Насытившись, падре спросил:

– Вы не заметили в деревне крытую повозку?

– Нет, никакой повозки в деревне мы не увидели, – ответил Бертран.

– Он путешествует на такой большой повозке, которую не скроешь. Так что он ещё сюда не подъехал, – проговорил себе под нос падре Антонио.

– Как жаль, что мы не смеем спрашивать о ком, идёт речь, – проговорил Дюран.

– И не надо спрашивать. Лучше чаще заглядывайте в Сомбре и, как только в деревне появится большая крытая повозка, запряжённая парой лошадей, сразу же доложите мне, – потребовал падре Антонио.

– Как я понял, мы здесь остаёмся надолго, – произнёс Бертран, стараясь не задавать вопросы.

– Ты не ошибся, – кивнул падре.

Солдаты и священник заночевали в лесу, возле костра. Падре Антонио объяснил, что ночевать в деревне им не следует, потому что там местные жители могут задавать им лишние вопросы.

На следующее утро солдаты с распухшими от комариных укусов лицами снова направились в Сомбре. После полудня Бертран и Дюран вернулись из деревни и стали рассказывать про увиденную повозку.

– Большая крытая повозка остановилась возле дома старого катара Мартина, – сообщил Дюран.

– Как рассказали стоявшие неподалёку зеваки, на повозке прибыли рыцарь, его оруженосец и священник. Вместе с возничим они зашли за дом Мартина и там трапезничают за столом под открытым небом, – поведал Бертран.

– Это он! – прошептал падре Антонио. – Он прибыл в Сомбре. Наверняка он направляется к переправе через Рону. Теперь надо спешить, чтобы подготовиться к встрече.

Тут послышались крики, доносившиеся из деревни, а со стороны дороги донёсся топот лошадиных копыт.

– Интересно, кто сейчас проскакал по дороге? Сходите и осторожно посмотрите, что там стряслось? – попросил падре Антонио Бертрана и Дюрана.

Солдаты ушли и вскоре возвратились.

– Во двор к старому Мартину зашёл темноволосый кудрявый мужик и стал кричать, что конокрады увели у него лошадей, – рассказал Дюран, благоразумно умолчав о том, что этот кудрявый мужик ещё упоминал об украденных у него накануне четырёх курах и вязанке вяленой рыбы.

– Повозка всё ещё стоит возле дома старого катара? – поинтересовался падре Антонио.

– Да. Распряжённая повозка стоит возле дома, – сообщил Бертран. – Наверняка, гости останутся ночевать в Сомбре.

– Тогда собирайтесь. Седлайте лошадей, и – в путь! – вставая с бревна, приказал падре Антонио.

– Но ведь скоро стемнеет! – воскликнул Дюран.

– Нам здесь больше нечего делать. Хватит кормить комаров. Я теперь уверен, что он направляется к той самой переправе через Рону по дороге, которая проходит через Сомбре, – сказал падре Антонио. – До наступления темноты мы можем отъехать довольно далеко и опередить его. Следующий привал сделаем в лесу, когда наступят сумерки. Нам нужно время, чтобы подготовиться.

Бертран и Дюран не стали спрашивать, к чему именно им предстоит готовиться. Они переглянулись и, вздохнув, стали седлать лошадей.

Глава 5. Хрустальный храм

Грегуар и Вероника зашли в дом. Бросив взгляд на незаконченную картину, которая лежала на столе, юноша сказал:

– Хорошо, что ночевавшие в доме гости не испортили моё творение.

– Если бы они это сделали, ты сам был бы в этом виноват, – заметила Вероника. – Тебе уже давно следовало убрать со стола холст, краски и кисти.

– Я не успел. Слишком неожиданно нагрянули в ваш дом гости. Можно я продолжу работу?

– Что ж, можешь продолжить заниматься рисованием, а, если хочешь, мы побываем на службе, которую проводят Совершенные катары, – предложила Вероника.

Грегуар насторожился. Он намного больше узнал о катарах и их вере после жаркого спора вольнодумцев – философа Персиваля и художника Данье, а также катаров – старика Мартина и трубадура Патриса с яркими поборниками католичества – бароном Симоном де Монфором и легатом Пьером де Кастельно.

– Ты хочешь пригласить меня на службу в вашу церковь? – спросил юноша.

– Катары не возводят такие церкви и храмы, как католики. Но я хочу пригласить тебя на службу в место, которое вполне может именоваться храмом. Его в народе называют Crystallinus sacrarium.

– Хрустальный храм. Красивое название.

– Не только название, но и само место, где по праздникам молятся катары, изумительно красиво.

– Я хочу побывать в Хрустальном храме. Я пойду с тобой, – с радостью согласился Грегуар.

– Путь предстоит неблизкий. Место, куда мы направляемся, находится в горах. Мы поедем туда на лошадях. Дорога опасная, – предупредила Вероника.

– Я готов ехать! – с радостью согласился Грегуар.

Он был готов отправиться куда угодно, лишь бы только как можно больше времени находиться рядом с Вероникой.

– А кто ещё из наших знакомых поедет туда? – поинтересовался Грегуар.

– Кроме нас, туда отправятся мой дедушка, Персиваль, Данье и Патрис, – сообщила Вероника.

В дом зашёл Мартин и спросил внучку:

– Ну, как, ты уговорила нашего гостя поехать с нами?

– Он согласился, – улыбнувшись, сказала Вероника.

– Седлай Аврору! А ещё надо подумать, где нам взять ещё несколько лошадей.

– Жаль, у Давида угнали лошадей. Вряд ли теперь он даст нам оставшуюся у него лошадь.

– Теперь с нами поедут наши друзья. Придётся просить лошадей по всей деревне. А лишних лошадей у жителей Сомбре мало. К тому же, большинство жителей собираются сами ехать на праздничную службу, – посоветовал Мартин.

Грегуар убрал со стола краски и кисти в сундучок. Наскоро позавтракав, Мартин, Вероника и их гости стали собираться в дорогу. На службу направились больше половины взрослых жителей Сомбре. Все они были облачены в тёмные одежды. На чёрных поясах у них была изображена пчела. Лошадей на всех не хватило. Многие юноши везли девушек перед собой. Взобравшись на Аврору, Грегуар посадил Веронику перед собой.

– Почему жители Сомбре не взяли с собой детей? – поинтересовался Грегуар.

– Детям в Хрустальном храме нечего делать. Сегодня состоится «consolomentum» – таинство Утешения. Этот обряд проходят только взрослые люди. Лишь тот, кто сердцем и разумом принял веру катаров, может быть допущен до этого таинства, – объяснила Вероника.

Среди выехавших из деревни катаров своей одеждой выделялись гости Мартина.

– Разве Патрис не катар? – удивился Грегуар, обратив внимание на то, что юный трубадур был одет иначе, чем жители Сомбре.

– Он почти катар. По крайней мере, он думает, как катар, хотя и не соблюдает все обряды. Патрис давно мечтает получить Утешение, да только он постоянно носит с собой нож. А это, за редким исключением, для катаров неприемлемо. Сегодня, наверно, он тоже попытается пройти обряд Утешения, – рассказала Вероника.

– В том, что на катарское богослужение поедет Патрис, я не сомневался, – сказал Грегуар.

– А в том, что туда отправимся мы с Данье, ты сомневался? – спросил Персиваль, услышавший слова Грегуара. – Так вот, я еду, потому что никогда раньше не бывал в Хрустальном храме катаров, но очень хотел его увидеть.

– А я собираюсь после посещения Хрустального храма, написать картину, основываясь на своих впечатлениях, – добавил Данье.

К процессии присоединились десять всадников – мужчины в чёрных куртках и штанах и женщины в чёрных платьях. Они выехали с дороги, которая шла со стороны Ольне.

– Вот и наши соседи из Ольне подоспели, – сказала Вероника.

– Это подъехали католики? – удивился Грегуар. – Ведь ты говорила, что в Ольне живут католики.

– Да, это так и есть, – подтвердила Вероника.

– А что они собираются делать в вашем храме?

– То же самое, что и остальные – каждый из них будет молиться о спасении своей души. Ведь и ты будешь делать то же самое.

– Верно, как-то забыл, что я католик, – смутился Грегуар.

– Многие католики Окситании считают себя одновременно и катарами. Они полагают, что таким образом они с большей вероятностью спасут свои души, – пояснила Вероника.

– Никогда не слышал о таких католиках, – признался юноша.

Он посмотрел в сторону, где синели окутанные туманной дымкой горы, и поинтересовался:

– Мы направляемся к тем горам? Так далеко?

– Да. Нам предстоит проехать по просторному полю, преодолеть невысокие холмы, переправиться вброд через речку и подняться в горы.

– А кто у вас, катаров, ведёт службу?

– Наши епископы. У нас ведь, как и католиков, есть епископы. И в жизни мы следуем заповедям Великого Учителя не на словах, а на деле. А ты что о нас думал, Грегори?

– Раньше я мало задумывался о сути веры катаров и считал, что эта вера плохая, поскольку прельщает некоторых католиков и уводит их из лона католической церкви. А теперь я не знаю, что и подумать. Мне кажется, что я сам понемногу становлюсь еретиком, – проговорил Грегуар.

– Моих единоверцев католики называют еретиками, потому что нас меньше. К тому же, настоящим катарам нельзя убивать даже животных, а не то, что людей. Поэтому катары в земном мире Тьмы отступают перед католиками с их уверенностью, что можно убивать людей во имя веры, но катары в итоге победят в высшем духовном мире – мире Света.

– Как всё сложно в этом мире! – проговорил Грегуар и, задумавшись, надолго умолк.

Всадники сначала ехали по полю, затем по холмистой местности. В полдень они приблизились к мелководной речке с каменистым дном, которую лошади преодолели вброд. Затем ехавшие впереди всадники направили лошадей в гору. Процессия растянулась. Лошади, одна

за другой, пошли по узкой тропе, которая вилась по крутым склонам – то поднималась, то спускалась в небольшие уютные зелёные долины, а потом снова уходила в гору.

Когда Аврора направилась вверх по склону, Грегуар попытался прижать к себе Веронику, но девушка отстранилась.

– Что с тобой? Ты переживаешь? – спросил Грегуар.

– Ты должен догадываться, из-за чего я переживаю. Ещё хорошо, что сейчас мне не придётся публично исповедоваться в совершённом грехе. Сегодня это будут делать те, кто решил получить Утешение, – зардевшись, сказала Вероника.

Грегуара прошиб холодный пот, когда он представил, что Веронике предстоит публично каяться в грехе, который они совершили.

«Всё-таки, покаяние при всём народе – это уже слишком! Надо будет всерьёз подумать, стоит ли увлекаться учением катаров? Вот и этому юноше, возможно, придётся публично каяться в грехах» – размышлял Грегуар, глядя на Патриса, ехавшего перед ними на гнедой кобыле.

Местами тропа проходила рядом с пропастью. У Грегуара кружилась голова, когда он бросал взгляд в пропасть. Один раз Аврора оступилась, и вниз с грохотом посыпались камни. Грегуар вздрогнул и побледнел. К его удивлению, Вероника не испугалась. Оглянувшись и увидев бледное лицо юноши, она сказала:

– Не волнуйся. Аврора не сорвётся вниз. Она уже привыкла ходить по этой тропе.

– Ещё далеко? – спросил Грегуар, мечтая о том, чтобы подъём закончился, как можно скорее.

– Уже слышно, как шумит водопад. Мы почти пришли, – ответила Вероника.

Один за другим, всадники стали заворачивать за выступающий утёс. Вскоре Грегуар увидел низвергающиеся в глубокое ущелье потоки воды. Тропа в этом месте проходила между ревущим водопадом и скалой. Всадники по очереди скрывались за завесой мельчайших брызг, летевших от водяных струй.

Когда Аврора проходила мимо водопада, в лицо Грегуару и Веронике стали впиваться колючие брызги, сверкавшие под лучами солнца, которые пробивались сквозь струи воды. Патрис заехал в зияющий в скале проём. Грегуар и Вероника последовали за юным трубадуром и попали в небольшую пещеру, на тёмных стенах которой горели три тусклых смоляных факела. С низкого влажного свода падали гулкие капли. Патрис слез с лошади. Вероника и Грегуар тоже спешили. Они привязали своих лошадей к устроенной в пещере коновязи, возле которой всхрапывали лошади, на которых прибыли катары и их друзья.

Патрис, Грегуар и Вероника проследовали по длинному подземному коридору и оказались в просторной пещере с высоким сводом, которая была ярко освещена огнями нескольких десятков факелов, закреплённых на стенах. К ним подошли Персиваль и Данье.

Поражённый красотой пещеры, Грегуар с восторгом рассматривал сияющие бесчисленными искорками гранитные стены и свод. Это сверкали вкрапления кристалликов горного хрусталя, на которые падали отблески горевших факелов. Стены и свод пещеры казались хрустальными. Юноша не мог поверить, что видит эту красоту наяву. Затаив дыхание, Грегуар смотрел на белёсые наросты, похожие на пики, которые свисали со свода. Мраморные камни самых причудливых форм, выступавшие из земли и стен, располагались по всей пещере. Словно статуи, изваянные ловкими руками неведомых скульпторов, эти образования напоминали людей в длинных одеждах, различных животных или же походили на кусты и невысокие корявые деревца, стоявшие без листвы.

– Ничего подобного я никогда в жизни не видывал! – признался Персиваль, осматривая пещеру.

– Какое великолепие! – прошептал Данье. – Ради того, чтобы увидеть такую красоту, стоило рисковать и ехать на лошади по узкой горной тропе.

– Crystallinus sacrarium! – прошептал потрясённый Персиваль.

Грегуар, потрясённый увиденным, не сразу обратил внимание на толпу людей в чёрных одеждах, которая собралась в центре пещеры. Они молча стояли перед расположенным возле дальней стены прямоугольным каменным постаментом, на который по высоким ступеням взойшёл высокий седобородый старец в чёрном балахоне. На груди у старца на верёвке висела книга. Внизу, возле каменных ступеней расположились пять седовласых бородатых мужчин и три женщины, которые были облачены в такие же чёрные балахоны, как и старец с книгой на груди. Они повернулись лицом к остальным катарам, собравшимся в огромной пещере.

По четырём углам постамента, в больших мраморных подсвечниках, стояли четыре огромные ярко горевшие свечи. Кроме того, на постаменте располагалась вертикальная мраморная плита с выступающим равнолучевым крестом, который был обрамлён кольцом. Чуть выше креста в плите находилась прорезь в форме летящей птицы. Над этой прорезью в плиту был вмурован большой кристалл горного хрусталя. За мраморной плитой, на стене пещеры были закреплены несколько больших факелов, пламя которых освещало прорезь в плите и насквозь просвечивало вмурованный в плиту прозрачный кристалл. Казалось, будто в Хрустальный храм влетает огненная птица, несущая катарский крест, а над птицей сияет солнце, на которое был похож сверкающий гранями кристалл, ставший золотистым от пламени факелов. Неподдалёку от мраморной плиты на треножнике стояла большая бронзовая чаша, в которую стекала тонкая струйка воды из подземного родника, бившего из стены пещеры. Вода изливалась из переполненной чаши и по жёлобу стекала за постамент.

Под высоким сводом пещеры гулко разнёсся громкий голос седого катара.

– Кто этот человек? – шёпотом поинтересовался Грегуар.

– Это наш епископ – Совершенный катар, – пояснила Вероника.

– Что он говорит? Я не могу разобрать слова.

– Епископ читает начало евангелия от Иоанна. Мы признаём только это евангелие, если не считать благой вести от Итамара. Мы с тобой стоим очень далеко. Надо подойти поближе. Там будет хорошо слышно, – предложила Вероника.

Грегуар и Вероника направились к центру пещеры, и встали позади толпы, рядом с Мартином. К ним подошли Персиваль и Данье. Патрис смог протиснуться сквозь толпу и добрался до каменных ступеней, которые вели к постаменту.

Теперь Грегуар отчётливо слышал слова, которые нараспев произносил епископ.

– Подумать только! Епископ читает евангелие в пещере, а у меня такое ощущение, будто мы находимся в прекрасном храме. Только я не встречал храмов, красивее, чем этот! – проговорил потрясённый Грегуар.

– Причём заметьте, этот пещерный храм красив лишь внутри, а снаружи вокруг нет ничего, кроме обыкновенных гор и серых скал. И в этом я вижу глубокий философский смысл. Вера катаров, не пышная внешне, полна внутренней энергии добра и любви, – отметил Персиваль.

– Насчёт того, что горы в этих местах обыкновенные, я не соглашусь, – возразил Данье. – Ты, Персиваль, вероятно забыл, какой величественный прекрасный пейзаж мы видели, когда поднимались по горной тропе. Разве ты забыл, какой невероятно красивый могучий водопад низвергается перед входом в пещеру?

– Несомненно, водопад красив. Однако подобных водопадов я видел немало, а такая чудесная пещера, похоже, одна. Потрясающая красота Crystallinus sacrarium должна пробуждать в людях добрые мысли и чувства, – сказал Персиваль.

– Вернувшись в Тулузу, я примусь за работу. Я должен написать Хрустальный храм катаров, – решил Данье.

– Не советую тебе этого делать, – сказал Персиваль.

– Почему? – удивился художник. – Подобных картин я не видел. Это будет необычайная картина. Я её выполню на большом холсте. Вот только меня смущает, что я не смогу передать всю красоту этого пещерного храма.

– Меня смущает иное, – сказал Персиваль. – Ведь как только люди, вроде Симона де Монфора или Пьера де Кастельно, увидят твою картину, они сразу же примутся разыскивать этот храм катаров, чтобы его уничтожить. Солдаты станут рыскать по горным тропам и выслеживать катаров, направляющихся в эту пещеру. К тому же, алчные люди замыслили разорить катарский храм, стены которого покрыты кристалликами горного хрусталя, а в мраморную плиту вмурован большой кристалл. А ведь ты, Данье, наверняка приукрасишь действительность. Я тебя хорошо знаю. На картине ты изобразишь позолоченный постамент, а мраморную плиту с катарским крестом ты дополнишь вкраплёнными в неё разноцветными драгоценными камнями. Но даже если ты этого не сделаешь, о месте тайного моления катаров будет чрезвычайно интересно узнать папским шпионам.

– Ты преувеличиваешь опасность, – сказал художник.

– Это ты её недооцениваешь. Не удивлюсь, если тебя самого подвергнут пыткам, чтобы узнать о местонахождении Хрустального храма.

– Пыткам? – в ужасе спросил Данье. – Ты шутишь или мне послышалось?

– Да, тебя могут подвергнуть пыткам. И тебя не спасёт твоё знакомство с папским легатом Пьером де Кастельно и другими влиятельными католиками. Они вмиг забудут, что когда-то ты писал их портреты. Даже если бы ты сделал портрет самого Папы, тебя это не уберегло бы от расправы. Уж поверь мне, палачи быстро сумеют выбить у тебя все сведения.

– Но в Окситании этого не случится. Здесь я нахожусь под защитой графа Тулузского.

– Думаешь, в фонфруадском аббатстве, под самым боком у графа Раймунда, не пытаются еретиков? Ты ошибаешься. А тебя могут вообще вывезти за пределы Тулузского графства и Окситании, к примеру, в Рим. А там всё будет серьёзно и очень страшно.

– Ты меня уговорил. Я отказываюсь от своей затеи писать такую картину, – грустно сказал Данье.

– Это хорошо, что ты меня иногда слушаешь, дорогой Данье. А теперь давай помолчим и посмотрим внимательно за тем, что будет происходить дальше. Кажется, чтение евангелия завершилось, – заметил Персиваль.

– Глядите, Патрис обернулся! Он смотрит на нас и сокрушённо качает головой, – заметил Грегуар.

– Он не только качает головой, но теперь ещё выпучивает глаза и что-то беззвучно шепчет губами, – отметил Данье.

– Действительно, он ведёт себя довольно странно. Что с ним? – удивился Персиваль.

– Патрис пытается дать вам понять, что вы ведёте себя неприлично. Во время службы не пристало разговаривать на отвлечённые темы, – пояснила им шёпотом Вероника.

– Но ведь мы говорим вовсе не на отвлечённые темы и при этом едва слышно шепчем, – попытался защититься Персиваль.

– В этой пещере каждое слово многократно усиливается. Сейчас же замолчите! – прошептала Вероника. – Сейчас начинается обряд Утешения.

– Молчу! Молчу! – тихо сказал Персиваль.

– Я нем, как рыба, – заверил Данье.

К Совершенному катару, закончившему читать евангелие, по ступеням поднялся вышедший из толпы человек. Он преклонил колени перед седовласым катаром и стал громко говорить. Грегуар понял, что началась исповедь. Кающийся катар подробно рассказывал про свои прегрешения. Потом он склонил голову перед Совершенным катаром, и тот возложил руки и книгу на голову покаявшегося грешника.

– Это и есть обряд Утешения? – шёпотом поинтересовался Грегуар.

– Да. Совершенный катар – епископ истинной церкви – возлагает евангелие от Иоанна на голову человека, который получает Утешение, – пояснила Вероника.

Грегуар стал смотреть на поднимающихся на постамент катаров – мужчин и женщин, которые по очереди каялись, и над ними совершался обряд Утешения. В основном, среди этих катаров были пожилые люди. Лишь один мужчина средних лет получил Утешение. Грегуар изредка посматривал на Патрису, который несколько раз вставал на нижнюю ступеньку и всякий раз возвращался на своё место. Он так и не рискнул пройти обряд Утешения.

Окончив обряд, Совершенный катар стал читать молитвы, многие из которых были похожи на католические.

– Верьте в Свет, который победит тьму! – торжественно произнёс напоследок епископ и, сойдя с постамента, растворился в толпе.

Факелы в пещере, в том числе и установленные за мраморной плитой, стали гаснуть. Люди потянулись к выходу.

На обратном пути Аврора, как и другие лошади, ступала осторожно. Когда они выехали на равнину, Грегуар спросил сидевшую перед ним Веронику:

– Ты тоже когда-нибудь получишь Утешение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.